

В. С. КРИВЕНКО

ЮНКЕРСКІЕ ГОДЫ

25 ЛѢТЪ НАЗАДЪ

«А молодость не вернется,
не вернется она!»
Изъ малороссійской пльни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1898

Дозволено цензурою 22-го іюля 1898 г. С.-Петербургъ.

ЮНКЕРСКІЕ ГОДЫ

I.

Юбилей!.. 25 лѣтъ!.. Да, много воды утекло со времени производства въ офицеры. Жизнь прошла, и все, что было тогда юно, молодо, порывисто—состарилось, успокоилось и молодость не вернется никогда...

Въ памяти рельефно выступаетъ училищная жизнь со всѣми ея мелкими, но дорогими для меня подробностями. Длинная портретная галлерея начальниковъ и товарищей развернулась нескончаемой лентой; привѣтливыя и суровыя, добрыя и насмѣшливыя лица стали передо мной, точно на вечернюю «перекличку». «Однихъ ужъ нѣтъ»... другіе разбросаны по всей имперіи; очень немногіе задержались въ Петербургѣ и осѣли тутъ навсегда. Зато какъ пріятно встрѣтиться съ старымъ товарищемъ, съ однокашникомъ и припомнить бывшее, прошлое!

Послѣ окончанія курса въ одной изъ провинціальныхъ военныхъ гимназій я пріѣхалъ въ Пе-

тербургъ въ военное училище одинъ, безъ товарищей, которые подъ руководствомъ воспитателя «привезены» были ранѣе меня на нѣсколько дней. Прямо съ вокзала я направился въ училище. Невскій проспектъ меня не особенно поразилъ, по картинамъ и иллюстраціямъ я зналъ уже его, зналъ и столичные монументы; зданіе же училища показалось мнѣ очень некрасиво, а подъѣздъ и вестибюль очень небольшими, по сравненію съ тѣмъ, что я ожидалъ встрѣтить.

Изъ-подъ маленькой лѣстницы, изъ своей конуры, откуда тянуло жаренымъ кофе, выскочилъ старикъ-швейцаръ въ красной ливреѣ и указалъ какъ найтти дежурнаго офицера. Пройдя черезъ небольшую пріемную я уперся въ большой столъ, за которымъ сидѣлъ насупившійся, свирѣпый на видъ капитанъ, съ лицомъ, обильно заросшимъ черными волосами. Офицеръ рѣзко оборвалъ мою рѣчь и приказалъ отправиться въ роту.

Этотъ неласковый пріемъ обдалъ меня холодомъ и укрѣпилъ желаніе скорѣе перебираться изъ «академіи шагистики» въ инженерное училище, на что я имѣлъ право. О своемъ желаніи я заявилъ по начальству и былъ убѣжденъ, что черезъ нѣсколько дней буду переведенъ, но вышло совсѣмъ иное. Меня позвали къ начальнику заведенія, очень мягкому и доброму человѣку, который заговорилъ со мною языкомъ военно-гимназическаго воспитателя и совѣтовалъ остать-

ся подъ его начальствомъ, рисуя передо мною въ будущемъ радужныя картины. Говорилъ генералъ очень хорошо, хотя имѣлъ дурную привычку прерывать плавно льющуюся рѣчь какими-то, видимо ободрявшими его, звуками «пхе-пхе».

Корпусные товарищи отстаивали точку зрѣнія начальника и окончательно убѣдили меня, махнувъ рукой пока на инженеровъ, оставаться въ «академіи шагистики». По поводу этого рѣшенія устроено было въ «курилкѣ» генеральное чаепитіе.

Въ небольшой комнатѣ, отведенной спеціально для куренія, разрѣшалось также пить чай. Дымъ столбомъ стоялъ всегда въ этомъ своеобразномъ ротномъ клубѣ. Недавніе кадеты, добравшись до запретнаго плода, немилосердно палили самодѣльные крученки изъ дешеваго табаку, хранившагося въ самыхъ разнообразныхъ помѣщеніяхъ, въ родѣ коробки отъ монпансье. Болѣе зажиточные, впрочемъ, покупали готовые папиросы, которыя набивалъ училищный музыкантъ, фэготистъ, и разъ въ день торжественно, съ надутымъ важнымъ лицомъ, разносилъ по ротамъ въ бѣлѣвой корзинкѣ свои произведенія. вмѣсто пепельницъ въ «курилкѣ» стоялъ большой деревянный сѣрый ящикъ для дровъ и непрезентабельнымъ видомъ нисколько не шокировалъ юнкеровъ.

Ротный клубъ служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и кон-

цертнымъ заломъ, такъ какъ въ остальныхъ помѣщеніяхъ строго было запрещено пѣніе, которое въ мое время очень любили юнкера.

Особенно часто раздавались хоры изъ «Жизни за Царя», «Аскольдовой могилы» и «Русалки». Композиція была нѣсколько исправлена училищными меломанами, не справлявшимися, конечно, съ партитурой, но работавшими на память, безъ скучныхъ нотъ. Зато разъ установленный такимъ образомъ нумеръ исполнялся уже всегда съ точностью, въ этомъ неписанномъ, приспособленномъ къ юнкерскимъ силамъ, изданіи. Удивительно азартны были пѣвцы и не жалѣли ни горла, ни времени, къ большому огорченію жившаго рядомъ съ «курилкою» адъютанта.

«Генеральное чаепитіе» въ отличіе отъ «холостого» обставлялось нѣкоторою роскошью: являлся лимонъ, сливочное масло, шафранный хлѣбъ, сдобные крендели, сладкіе пирожки и тогда для нетребовательныхъ юнкеровъ, казалось, шелъ пиръ-горой. Такимъ генеральнымъ чаепитіемъ ознаменовалось и прикрѣпленіе меня къ училищу.

Кадетскіе страхи о строгости порядковъ «академіи шагистики» оказались сильно преувеличенными. Мы здѣсь чувствовали себя несравненно свободнѣе, чѣмъ въ военной гимназіи. Не ограничиваясь ротнымъ помѣщеніемъ, можно было бродить по длиннѣйшимъ коридорамъ и дортуа-

рамъ всего историческаго зданія, гулять на громадномъ плацу и въ саду. Любителей гулянья, впрочемъ, насчитывалось не особенно много, въ особенности не въ ясную погоду. Бывало, въ свѣжее утро выскочишь въ одномъ «бушлатѣ» въ садъ, заложишь руки въ обшлага и быстро маршируешь по пустымъ почти аллеямъ, встрѣчая лишь сосредоточенныя лица военныхъ мечтателей, бродящихъ точно послушники за монастырской стѣной. Въ саду и на плацу тишина, а оттуда, изъ города, доносится вѣчный шумъ водопада—грохотъ столичныхъ экипажей.

Въ числѣ не маловажныхъ преимуществъ училища, по сравненію съ военной гимназіей, былъ значительно болѣе вкусный и обильный столъ. Въ то время, какъ въ нашей военной гимназіи полагалось на продовольствіе человѣка въ сутки 12¹/₂ коп., въ училищѣ выдавали ровно вдвое—25 коп. Деньги небольшія, но въ массѣ можно было кормиться. Кухней завѣдывали выборные изъ юнкеровъ артельщики и кромѣ того по общей батальонной кухнѣ назначался дежурный, который въ этотъ день ѣлъ за четверыхъ...

Меню обѣдовъ составляли юнкера, не отличавшіеся изобрѣтательностью. Котлеты играли выдающуюся роль...

Въ торжественные дни въ громадной, сводчатой столовой игралъ оркестръ, а юнкера заказывали, какъ особенный деликатесъ, кофе на

молокъ и шоколадъ. Шутники увѣряли, что училищные повара ухитрялись въ одномъ кофейникѣ сразу варить и шоколадъ и кофе... Разницы во вкусѣ не было никакой.

За плату, у повара, не всегда впрочемъ, можно было получать пельмени и котлеты. Надо было посмотрѣть какое неимовѣрное количество пельменей уничтожалъ сибирскій кадетъ Бобъ—въ!..

Въ училищѣ за каждымъ шагомъ уже не слѣдилъ воспитатель. На всѣ четыре роты былъ лишь одинъ дежурный офицеръ, который разъ или два въ день обходилъ роты, а затѣмъ сидѣлъ въ дежурной комнатѣ. Офицеры не мозолили намъ глаза своимъ присутствіемъ, но зато, въ случаяхъ соприкосновенія съ ними, требовалось безусловно послушаніе и точное, непрекословное исполненіе всѣхъ требованій. Въ случаѣ недоразумѣній, доказывать начальству свое право, «объясняться», было немыслимо. Исключеніе практиковалось лишь по отношенію къ преподавателямъ. Опоздать, хотя на минуту, въ строй считалось преступленіемъ. Вообще въ нашемъ училищѣ на юнкеровъ смотрѣли не такъ, какъ прежде на кадетъ спеціальныхъ классовъ, а какъ на лицъ, дѣйствительно состоящихъ на военной службѣ и потому строгая дисциплина проводилась систематичной, сильной рукой. Для военныхъ гимназистовъ въ этихъ требованіяхъ исполнительности и точности ничего не было но-

ваго; но для «штатскихъ», то-есть бывшихъ студентовъ и гимназистовъ, которыхъ у насъ было не мало, тяжело было вполне освоиться съ новою жизнью и тяжело не потому, чтобы они были подъ вліяніемъ либеральныхъ стремленій, а просто оттого, что съ дисциплинарными требованіями нужно сжиться, усвоить ихъ рядомъ лѣтъ своеобразной и не легкой военной обстановки. Вотъ почему молодые солдаты, хорошо стрѣляющіе, марширующіе и обученные всякой «словесности», далеко еще не являются истинными служаками и, снявъ форму, быстро огражданиваются.

Большинство «штатскихъ» и по внѣшнимъ пріемамъ и по взглядамъ на товарищество рѣзко отличались отъ своихъ сослуживцевъ бывшихъ кадетъ. Этотъ гражданскій притокъ, вливаясь, впоследствии, въ офицерскую рѣку, долго еще имѣлъ свою окраску, а тамъ, гдѣ на сторонѣ «штатскихъ» былъ численный перевѣсъ, тамъ измѣнялись давнія традиціи и уступали новымъ взглядамъ, новымъ жизненнымъ пріемамъ...

Начальникъ училища ежедневно дѣлалъ обходъ заведенія, но не для «разноса» и устрашенія, а больше для смягченія нравовъ. Всѣхъ юнкеровъ онъ зналъ не только по фамиліямъ, но и по успѣхамъ въ наукахъ. Плохо занимавшимся совѣстно было попадаться на глаза генералу и они спѣшили заблаговременно скрыться и уклониться

отъ отеческихъ нравоученій. Впросакъ попадалъ только близорукій С—въ. Этотъ беззаботнѣйшій юноша былъ большой спорщикъ и доказывать ему что-нибудь не было никакой возможности. Обыкновенно его оппоненты уходили отъ него съ сокрушеннымъ сердцемъ, а онъ, съ довольнымъ лицомъ побѣдителя, запуская руки въ карманы и, артистически посвистывая, направлялся на свободу въ «Сборное зало», гдѣ зачастую и натыкался на генерала, возвращавшагося изъ лазарета. Начальникъ училища не выносилъ фигуры юнкера съ опущенными въ карманы руками, свистъ также выводилъ обыкновенно добродушнаго генерала изъ себя. С—въ, конечно, «по лишкамъ» зналъ это лучше насъ, но не проходило недѣли, чтобы не происходило опять злополучнаго «столкновенія поѣздовъ».

Генералъ любилъ искусство. Онъ поощрялъ музыкальное развитіе. Устраивалъ юнкерскій оркестръ и очень покровительствовалъ пѣвчимъ, предоставлялъ имъ лишній разъ въ недѣлю ходить въ отпускъ и на казенный счетъ давалъ логи въ оперу. Благодаря его стараніямъ и усиліямъ Николая Ивановича С—ва, вѣчно розовенькаго и аккуратненькаго учителя пѣнія, юнкера пѣли на двухъ клиросахъ. На спѣвкахъ все шло превосходно, но въ церкви Николай Ивановичъ не дирижировалъ и нѣкоторые

яростные басы своимъ ревомъ портили иногда общій ансамбль.

Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ существуетъ и до сихъ поръ, взятое отъ нѣмцевъ, начальническое отношеніе старшаго курса къ младшему. У насъ, въ училищѣ, этого положительно не было. Въ ротѣ имѣлъ авторитетный голосъ фельдфебель и дежурный портупей-юнкеръ; другіе же въ офицеровъ не играли и я не припомню случая присвоенія себѣ старшимъ курсомъ какихъ-нибудь начальническихъ правъ.

На фельдфебелѣ же и дежурномъ лежала очень трудная и щекотливая обязанность сохранять полный порядокъ и спокойствіе въ ротѣ. Нужно было имѣть много такта и силы воли, чтобы выйти побѣдителемъ изъ этого положенія.

При моемъ поступленіи въ училище, фельдфебелемъ въ нашей ротѣ былъ Нал—нъ, стройный, бравый юнкеръ, съ смѣющимися голубыми глазами и пріятнымъ голосомъ. Помню, съ большимъ почтеніемъ приблизился я къ его единственному въ дортуарѣ письменному столику около постели, украшенной красной именной дощечкой, въ отличіе отъ синихъ, простыхъ юнкерскихъ и сине-красныхъ портупей-юнкеровъ. Нал—нъ быстро меня ободрилъ и потомъ мы съ нимъ очень сошлись. Онъ всей душою стремился изъ Петербурга, который, несмотря на то, что выросъ въ немъ, органически ненавидѣлъ. Мечты о Кавказѣ

и Туркестанѣ, о казачествѣ, о боевой, бивуачной жизни одолѣли его настолько, что онъ бросилъ заниматься науками и все время, свободное отъ лекцій и строевыхъ ученій, посвящалъ чтенію путешествій, военной исторіи и атлетическимъ упражненіямъ.

По веденію списка дежурствъ и разныхъ рапортичекъ ближайшимъ его помощникомъ и исполнителемъ являлся ротный писарь изъ юнкеровъ же. Эта хлопотливая обязанность вовсе не вознаграждалась льготой — освобожденія отъ дневальства. Надо было удивляться, что находились люди, соглашавшіеся брать на себя подобную должность, хотя, впрочемъ, вполнѣдствіи, въ жизни, приходилось не разъ встрѣчать добровольцевъ, безкорыстно наваливавшихъ на себя писмоводительскую, чисто канцелярскую работу въ разныхъ неофіціальныхъ комитетахъ и получавшихъ въ награду лишь затрецины. Вѣроятно, находили же они себѣ въ этомъ какую-нибудь сладость...

Нашъ ротный писарь, Гол—въ, совершенно не походилъ на канцелярскаго строку. Это былъ кипучій и мало усидчивый юноша, запѣвало въ хорѣ и одинъ изъ лучшихъ гимнастеровъ. Съ Нал—нымъ онъ сходилъ въ убѣжденіи, что изъ мертвыхъ учебниковъ ничему не научишься и потому также никогда не готовился къ репетиціямъ. Плюхія отмѣтки по всѣмъ предметамъ онъ получалъ

хладнокровно, не могъ лишь мириться съ низкой оцѣнкой его знаній по тактикѣ. Онъ громко протестовалъ и искренно завѣрялъ, что У—въ не имѣетъ права ставить ему 5 балловъ, такъ какъ «тактика не наука: одинъ думаетъ, что такъ нужно поступить, а другой иначе и окончательное рѣшеніе нельзя ни отъ кого получить. У него своя тактика, у меня своя!» Не разъ требовалось вмѣшательство инспектора для прекращенія спора юнкера съ преподавателемъ...

Товарищи изводили Гол—ва, устраивали складчину на поднесеніе ему синихъ брюкъ, въ которыхъ ходятъ штабные писаря, дарили ему чернила, линейку и вообще подсмѣивались надъ его незавидной должностью. Гол—въ выходилъ изъ себя, кипятился и объявлялъ, что завтра же откажется отъ писарства; но на утро, побесѣдовавъ съ Нал—нымъ, онъ снова выводилъ красивымъ почеркомъ рапортичку и считалъ это за истинную работу.

Два старшихъ портупей-юнкера Ст—чъ и Кин—въ, *inséparables*, были соединены узами самой нѣжной дружбы, учились превосходно, вели себя безукоризненно и обѣщали сдѣлаться образцовыми гвардейскими офицерами. Оба они были петербургскіе уроженцы и потому, при первой возможности, исчезали въ отпускъ. Зато одинъ изъ портупей-юнкеровъ, почтенный «штатскій», «дядько» Гор—чъ, сиднемъ сидѣлъ въ училищѣ

и въ курилкѣ. За стаканомъ чайку любилъ онъ степенно поговорить о Малороссіи, о будущей службѣ и грядущей офицерской жизни. Гор—чъ съ начала года уже приготовлялся къ выпуску, прицѣнивался къ вещамъ, списывался съ бывшими юнкерами, выпрашивая подробности о ихъ житьѣ-бытьѣ, матеріальномъ положеніи и охотно дѣлился съ нами этими свѣдѣніями.

Въ дежурство «дядьки» Гор—ча мнѣ пришлось въ первый разъ «дневалить».

Для соблюденія порядка въ ротѣ въ помощь дежурному ежедневно назначались въ его распоряженіе два дневальныхъ. Цѣлые сутки приходилось ходить затынутыми въ портупею, съ неудобнымъ тесакомъ и въ кепи съ султаномъ. Все бы это ничего, если бы не бодрствованье ночью, что для кадетъ, привыкшихъ въ военной гимназіи ложиться въ 9 часовъ, казалось очень тяжело. Непріятна была также обязанность будить юнкеровъ, въ особенности послѣ обѣда. Въ теченіе дня строго было запрещено ложиться и даже садиться на постель; исключеніе дѣлалось лишь послѣ обѣда, когда, по усмотрѣнію дежурнаго офицера, разрѣшалось спать отъ $1\frac{1}{2}$ часа до часу. Этой льготой нѣкоторые юнкера очень дорожили, несмотря на юный возрастъ скоро пріучились заваливаться послѣ обѣда спать, точно отяжелѣвшіе майоры, и съ благодарностью относились къ тому офицеру, ко-

торый давалъ большій срокъ для *dolce far niente*. Поднять на ноги такихъ разоспавшихся «майоровъ» было очень трудно, приходилось нѣсколько разъ обходить дортуаръ, тормозить россійскихъ лѣнтяевъ и выслушивать въ отвѣтъ или клики и непріятности, или воззванія къ человѣколюбію и къ чувствамъ товарищества.

Ночью, когда все вокругъ погружалось въ здоровый молодой сонъ и лампы еле-еле освѣщали громадный залъ, въ уголку, у коптящаго ночника обрисовывалась фигура дневальнаго въ кеши съ султаномъ и въ сѣрой шинели. Нѣкоторые изъ дневальныхъ на дежурствѣ клевали носомъ, но это было опасное занятіе, такъ какъ можно было прозѣвать обходъ дежурнаго офицера и тогда въ результатѣ пришлось бы «получить нѣсколько лишекъ», т.-е. не въ очередь быть назначеннымъ на дневальство.

Кромѣ дневальнаго юнкера бодрствовали съ трехъ-четырехъ часовъ утра служителя. Многіе юнкера отдавали имъ чистить свои сапоги, а также бушлаты и мундиры, усѣянные мѣдными пуговицами, за ничтожное вознагражденіе, не свыше рубля въ мѣсяцъ. Каждый изъ нашихъ немногочисленныхъ служителей старался набрать побольше кліентовъ и заваливалъ себя несчастный непомѣрной работой. Безъ этого заработка подвальному училищному населенію пришлось бы очень плохо. Отношенія служителей къ юн-

керамъ были, благодаря чистильному промыслу, самыя подчиненныя и совѣмъ не походили на военно-гимназическія, гдѣ начальство преслѣдовало всякое матеріальное со стороны воспитанниковъ вознагражденіе прислуги; но зато тамошніе служителя иногда и наушничали на насъ. Дежурные служители обязаны были безъ особаго вознагражденія чистить платье фельдфебелямъ, но, конечно, тѣ платили «чистильныя» деньги наравнѣ съ другими товарищами.

Помню, въ первое дневальство мой корпусный однокашникъ принесъ мнѣ изъ отпуска купленный по моему порученію курсъ почвовѣдѣнія и въ подарокъ отъ себя корзиночку съ пирожнымъ. Въ теченіе ночи я съѣлъ всѣ пирожки и усердно занимался земледѣльческими вопросами.

Нахлынувшее въ то время на меня и на моего пріятеля увлеченіе агрономіей продолжалось недолго; военная школа скоро отодвинула отъ насъ всякія другія гражданскія перспективы, вначалѣ еще соблазнявшія насъ...

Къ главному старинному зданію училища примыкала подъ прямымъ угломъ двухъ-этажная пристройка, въ которой помѣщались «классы». Безконечный верстовой коридоръ, тянувшійся по всему почти дому, поворачивалъ сюда и обводилъ заботливымъ бордюромъ всѣ учебныя ком-

наты. Здѣсь уже не было глянцевого паркета, вмѣсто него виднѣлся некрашеный полъ, классная мебель также не отличалась ни изяществомъ, ни удобствомъ. Несмотря на установившееся за училищемъ реноме «академіи шагистики», а «не наукъ», все-таки центръ дѣятельности заведенія былъ не въ залахъ, не въ манежахъ, не на плацу и военномъ полѣ, а здѣсь, въ этихъ неказистыхъ «классахъ». Самые заматерѣлые «фронтовики» уже понимали, что сила въ головѣ, а не въ носкѣ... Какое бы значеніе начальство ни придавало строевымъ занятіямъ, но успѣхъ могъ имѣть только юнкеръ, хорошо аттестованный въ наукахъ и отличныя отмѣтки не приносили желанныхъ портупей-юнкерскихъ нашивокъ лишь исключительнымъ вахлакамъ и физическимъ неудачникамъ.

Нѣкоторые предметы читались не «въ классахъ», а въ довольно обширныхъ аудиторіяхъ, гдѣ собирался весь курсъ. Здѣсь въ первый годъ мы слушали исторію, статистику, законовѣдѣніе, а впослѣдствіи артиллерію и долговременную фортификацію.

Намъ нравился, въ особенности сначала, внушительный видъ аудиторіи, наполненной многочисленными слушателями. Это уже не были корпусныя лекціи, перемежаемыя отвѣтами учениковъ, замѣчаніями и выговорами преподавателя-учителя; здѣсь уже въ теченіе часа профессоръ стремился произвести на насъ впечатлѣніе сво-

имъ краснорѣчіемъ и своей эрудиціей. Впрочемъ, артиллеристъ Ш., большой оригиналъ, держалъ себя иначе и не билъ на эффе́кты. Онъ довольно часто обращался къ слушателямъ и задавалъ всему курсу разнообразные вопросы, конечно, не съ тѣмъ, чтобы дѣлать оцѣнку знаній, а желая лишь удостовѣриться въ пониманіи. На неудачный отвѣтъ, онъ раздражался рѣзкими выходками, вызывавшими юнкеровъ на возраженіе. Впрочемъ, онъ и передъ офицерами не особенно сдерживался и непониманіе и неточность выраженій казнилъ безпощадно. Несмотря на полковничій чинъ, ученый артиллеристъ далекъ былъ отъ дисциплинарныхъ правилъ и нисколько не смущался отсутствіемъ чинопочитанія къ нему. Прежде онъ былъ грозой на репетиціяхъ и экзаменахъ и безпощадно казнилъ непониманіе сложныхъ математическихъ выводовъ и положеній. Одинъ изъ юнкеровъ, потерпѣвшій у него на экзаменѣ, застрѣлился, и съ тѣхъ поръ полковникъ отказался отъ роли экзаминатора, балловъ не ставилъ и лишь читалъ въ аудиторіи, при чемъ мы должны были слѣдить за нимъ по особому печатному конспекту съ вклеенными въ него чистыми листами для записыванія деталей. На лекціяхъ Ш. присутствовали преподаватели-репетиторы, дававшіе намъ потомъ, «въ классахъ», поясненія.

Мы заслушивались интересными лекціями «нашего историка», страстнаго українофила, очень

красиво и образно излагавшаго намъ новую и новѣйшую исторію. Почтенный, всегда щегольски одѣтый лекторъ, однако, иногда увлекался своимъ предметомъ до того, что хотя стульевъ и не ломалъ, но зато совсѣмъ сливался съ изображаемой имъ эпохой.—«Я помню,—задумчиво, съ разстановкой произноситъ онъ съ кафедры,—я помню, какъ Наполеонъ I, окруженный своимъ штабомъ, поднялся на холмъ»... Затѣмъ онъ воодушевлялся сильнѣе и сильнѣе и казалось, дѣйствительно, онъ ѣхалъ въ свитѣ великаго полководца, среди маршаловъ и слушалъ его распоряженія. Въ моменты вдохновенія «историкъ» не щадилъ красокъ и съ помощью боевого огня пекъ яблоки на деревьяхъ и варилъ супъ въ котлахъ. Аудиторія внимательно слушала лектора, но случалось, что кто-нибудь изъ скептиковъ заговоритъ съ сосѣдомъ или примется читать что-нибудь. Это была кровная обида человѣку, близко знавшему и Ришелье, и Кольбера, и Наполеона. Громкій голосъ историка вдругъ понижался почти до шопота и при этомъ внезапно архи-малороссъ переходилъ на рѣчь съ нѣмецкимъ акцентомъ. Вѣроятно въ юности строгій нѣмецъ-педагогъ оставилъ въ немъ по себѣ глубокую память.—«Я вижу тамъ,—обыкновенно въ такихъ случаяхъ начиналъ историкъ,—на послѣдней камейкѣ юнкеръ, этотъ юнкеръ позволяетъ себѣ читать, этотъ юнкеръ не слушаетъ лекціи, я буду жаловаться на этотъ

юнкеръ»! Кончалъ онъ уже во весь голосъ и своими черными, колючими глазами пронизывалъ провинившагося. На репетиціяхъ онъ, обыкновенно, не довольствуясь устными отвѣтами, давалъ письменныя работы и крайне, до обиды, придирчиво слѣдилъ за тѣмъ, чтобы юнкера не воспользовались при этомъ какимъ-нибудь пособіемъ. И на сколько самъ онъ любилъ цвѣты краснорѣчія и анекдотическія исторійки, настолько онъ преслѣдовалъ ихъ въ письменныхъ отвѣтахъ и систематично добивался лишь существа характеристики той или другой эпохи, того или другого историческаго лица.

Своимъ «вполнѣ ревностнымъ» отношеніемъ къ дѣлу онъ сердилъ юнкеровъ, но, все-таки, достигъ того, что «второстепенный» предметъ изучался юнкерами съ большою основательностью.

Профессоръ статистики, въ то время извѣстный своими трудно-усваиваемыми печатными работами экономистъ, говорилъ замѣчательно бойко, закруглялъ умѣло фразы и точно изъ рога изобилія сыпалъ и сыпалъ словами. Онъ никогда не довольствовался категоричными, короткими выраженіями, а нанизывалъ цѣлыя ожерелья аналогичныхъ понятій. Разъясненію дѣла это способствовало мало, но фейерверкъ получался удивительный. Намъ, юношамъ, не избалованнымъ въ средней школѣ краснорѣчіемъ учителей, вначалѣ казалось, что Вр—нъ читаетъ талантливо, и мы накинулись было на

одного изъ товарищей, замѣтившаго, что онъ не понимаетъ, зачѣмъ Вр—нъ топчется на мѣстѣ и подбираетъ слова, въ родѣ: «расширяется, распространяется, расползается, расходится, разливается, раскидывается... растетъ, поднимается, повышается, увеличивается, вздымается, выступаетъ»... Своей подкупающей внушительной внѣшностью и внѣшнимъ блескомъ изложенія Вр—нъ долго продолжалъ чаровать аудиторію, но подъ конецъ года онъ утомилъ слушателей и къ нему стали относиться холоднѣй...

Большимъ уваженіемъ пользовался добрѣйшій священникъ З—чъ, въ послѣдствіи архіерей. По училищной программѣ слѣдовало проходить исторію церкви, что и предоставлялось намъ усваивать изъ печатныхъ «записокъ», а на лекціяхъ З—чъ весь отдавался борьбѣ съ материалистическими ученіями. Философскіе вопросы многими воспринимались очень смутно, да и батюшка не очень былъ рѣчистъ, онъ немного заикался; но намъ казалось очень смѣлымъ изложеніе анти-религіозныхъ теорій и критическій разборъ ихъ. Помню, въ особенную заслугу священнику юнкера ставили то, что онъ прослушалъ курсъ медицинскаго факультета. «Вотъ такъ молодчина!..» Почтенный З—чъ особенно выросъ въ нашихъ глазахъ послѣ того, какъ его лекціями заинтересовался «самъ» Д. А. Милютинъ, въ высокій педагогическій авторитетъ котораго мы всѣ вѣрили свято.

Кромѣ исторіи, статистики и закона Божьяго изъ общеобразовательныхъ предметовъ намъ читали еще законовѣдѣніе и исторію русской литературы, да кромѣ того обязательны были занятія по нѣмецкому или французскому языку. Вся совокупность этихъ предметовъ отнимала отъ нашей школы спеціально-военный оттѣнокъ и придавала учебнымъ занятіямъ много интереса. Хотя эти общеобразовательныя науки и считались второстепенными, но тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ, къ сожалѣнію, иностранныхъ языковъ, на эти предметы въ училищѣ обращали вниманіе и по требованіямъ на репетиціяхъ ничѣмъ они не отличались отъ спеціально военныхъ.

Вообще вся учебная программа военного училища была выработана превосходно и давала возможность военнымъ гимназистамъ докончить общее образованіе и осмысленно ознакомиться съ основами военныхъ наукъ. Среднихъ способностей юнкеръ долженъ былъ поменьше развлекаться и усидчиво работать, чтобы не отставать отъ курса. Репетиціонная система подбодряла малодушныхъ и не позволяла запускать подготовку въ долгій ящикъ; даже не имѣвшіе никакого влеченія къ наукѣ поневолѣ принимались за книги, а еще охотнѣе пристраивались къ какому-нибудь «прилежному», который изъ чувства товарищеской поддержки, а также изъ желанія провѣрить свои знанія «объяснялъ» безпечнымъ.

Встрѣчались изъ послѣднихъ такіе, которые такъ, «съ голоса», не развертывая учебниковъ, проходили весь курсъ и иногда весьма удовлетворительно.

Конечно, исключенія вездѣ возможны, такъ и у насъ въ ротѣ было нѣсколько человѣкъ отчаянно-беззаботныхъ...

Ежедневно въ теченіе двухъ предъобѣденныхъ часовъ зданіе училища наполнялось шумомъ, стукомъ и крикомъ невѣроятнымъ. Но это не было безпорядокъ — то было откликъ физическихъ упражненій, топаніе сотенъ ногъ и команда десятка голосовъ. Въ громадномъ, двадцати саженомъ сборномъ залѣ юнкера надсаживали себѣ горло, практикуясь къ командованію въ «восьми-рядномъ ученьи» или «смѣнѣ карауловъ». Въ гимнастическомъ залѣ гремѣлъ надтреснутый зычный голосъ бывшаго прусскаго фельдфебеля, гимнастера Ш—та, составившаго какой-то невѣроятный головоломный учебникъ гимнастики, гдѣ были указаны способы спасанія при пожарахъ, при столкновеньи поѣздовъ и другихъ чрезвычайныхъ случаяхъ. Съ выпяченной «прусской» грудью, съ неестественно черными для шестидесяти лѣтъ волосами, неимоверно скрипучимъ голосомъ и поистинѣ геркулесовской силой, Ш—тъ усердно занимался укрѣпленіемъ нашихъ мускуловъ. Безъ смѣха нельзя слышать было его русскаго языка; а онъ, какъ нарочно, все время немилосердно тарато-

рилъ. — «Таки неловки, таки толсти! Ешо разъ прошу выпригивать. Ахъ, таки неловки! Ну, я буду показать. Ррразъ! Есть! Смотрите каки ловки я, каки красиви! каки крѣпки мусклъ имѣю! Ешо разъ!..»

Въ фехтовальной, длинной комнатѣ, подъ зоркимъ глазомъ извѣстнаго всѣмъ офицерамъ Г—на, въ сѣтчатыхъ шлемахъ и нагрудникахъ, бились юнкера съ учителями на рапирахъ, на эспадронахъ и на ружьяхъ.

— Я закроюсь, вамъ колоть! Такъ! Я закроюсь, вамъ колоть! Такъ!—басилъ рыжій и красноносый фехтовальщикъ. И голосъ его разносился по всему училищу, никого не безпокоя. Многіе юнкера съ большимъ рвеніемъ предавались фехтованію; но самымъ любимымъ упражненіемъ была «верховка». Въ небольшомъ училищномъ манежѣ въ часы строевыхъ занятій неустанно кружилось лошадей двадцать и носили на себѣ счастлицевъ, наряжавшихся для этого случая въ синія рейтузы, отороченныя кожею. Офицеръ-инструкторъ разносилъ наѣздниковъ и сыпалъ насмѣшливыми уколами, но юнкера все-таки съ нетерпѣніемъ ждали своей «смѣны».

Послѣ обѣда, два раза въ недѣлю, репетиціи, а въ другіе дни едва-едва выкроишь время проѣзжаться по саду, зайти въ бібліотеку просмотрѣть газету, да съ четверть часика просидѣть въ клубѣ—«въ курилкѣ», какъ уже наступаетъ

время «вечернихъ занятій», въ такъ называвшихся «занимательныхъ» комнатахъ; и тутъ ужъ не до чтенія, такъ какъ приходилось готовиться къ репетиціямъ.

Въ юнкерской библіотекѣ, открывавшейся ежедневно часа на два, нумера «Голоса» и «Петербургскихъ Вѣдомостей» брались съ пристуку и кандидаты ждали ихъ съ нетерпѣніемъ. «Русскій Инвалидъ» также имѣлъ обширный кругъ читателей и нѣкоторые уже въ училищѣ начинали смаковать прелесть первой страницы этого военного органа. Книгъ брали немного. Библіотекаремъ былъ инженерный полковникъ, изобрѣтатель особенно хитрой системы фонаря для маяковъ. Въ юнкерскую «читальню» онъ и не заглядывалъ и царилъ въ большой «фундаментальной» библіотекѣ и училищномъ историческомъ музеѣ. Здѣсь, какъ и во многихъ подобныхъ фундаментальныхъ библіотекахъ, книги хранились чинно и крѣпко подъ замкомъ... У насъ же въ читальнѣ распоряжался почтенный Павелъ Ивановичъ, только что кончившій курсъ Технологическаго Института, студентъ, мужчина въ годахъ, женатый, основательный. Сынъ одного изъ маленькихъ училищныхъ чиновъ онъ родился и выросъ въ этомъ зданіи. Училище и юнкеровъ очень любилъ.

— И охота вамъ читать романы, господа,—журилъ онъ нашу молодежь.—Опять Крестовскаго, Шпильгагена? Только и слышишь, что Крестов-

скій да Шпильгагентъ. Ага, «Губернскіе Очерки», это люблю,—ободрялъ онъ какого-нибудь поклонника Щедрина.

И подобные діалоги слышались ежедневно въ нашей небольшой, уютной библіотекѣ. Но наступало 7 часовъ и двери на запоръ.

— Пожалуйте! пожалуйста!—весело покрикивалъ Павелъ Ивановичъ, позванивая ключами.

Въ училищѣ я впервые прочелъ «Войну и миръ» Льва Толстого. Сколько помню, тогда еще истинная величина литературнаго гиганта не совсѣмъ была понята окружавшей меня молодежью. Проглатывали геніальное описаніе патріотической эпопеи съ громаднымъ интересомъ, но считали это больше «занимательнымъ», чѣмъ идейнымъ чтеніемъ.

Въ общемъ вопросами литературы и политической этики въ училищѣ замѣтно менѣе занимались, чѣмъ въ выпускномъ классѣ военной гимназін. Это было знаменательно, въ особенности, если припомнить, что протекали годы разнообразныхъ тревоженій столичной молодежи; вѣдь 70-е года только еще начинались! Училищныя стѣны точно отдѣлили насъ отъ всѣхъ тогдашнихъ увлеченій. Конечно, причиной тому, кромѣ воспитанія, былъ режимъ нашей жизни.

День такъ полно былъ занятъ всякими обязательствами и физическими упражненіями, что къ

вечеру глаза слипались и въ 10 часовъ роты спали глубокимъ сномъ.

Такъ шли дни за днями и не позволяли отложить записки и учебники въ сторону, для того чтобы зачитаться и рѣчей заслушаться о перестройствѣ вселенной.

Экзамены показали благотѣтельность репетиціонной системы для неусидчивыхъ славянскихъ натуръ. Курсы были основательно проштудированы въ теченіе года и большинство шло на испытаніе безъ чрезмѣрнаго нервнаго напряженія, этого постоянного спутника лицъ, готовящихся лишь къ экзамену.

Въ отпускъ можно было ходить два раза, а пѣвчимъ даже три раза въ недѣлю. Большинство юнкеровъ были изъ провинціальныхъ корпусовъ, не имѣли никакихъ знакомыхъ семейныхъ домовъ и потому выходили изъ училища только пофланировать по городу или въ театръ.

Во всей громадной столицѣ у меня не было не только ни одного родственника, но ни одного знакомаго, исключая, конечно, юнкеровъ. За двухлѣтнее пребываніе въ училищѣ я все время находился точно на военномъ кораблѣ. Время отъ времени заходилъ въ новый портъ, съѣзжалъ на берегъ, ходилъ по главнымъ улицамъ иностраннаго города, кишѣвшаго совершенно чужими мнѣ

людьми; а затѣмъ опять на шлюпку, опять въ корабельную обстановку...

Тамъ, далеко, далеко, на Кавказѣ, былъ родной уголъ, родная семья, отъ которой образовательная повинность оторвала меня съ десяти лѣтъ. Въ милой Полтавѣ, въ которой я воспитывался, также издали улыбались мнѣ знакомыя лица добрыхъ, хлѣбосольныхъ горожанъ и хуторянъ, привѣтливо относившихся къ «своимъ кадетамъ». А въ Петербургѣ никто на насъ не обращалъ вниманія. Никто, никто! Будущій генералъ, быть можетъ фельдмаршалъ, ѣдетъ по улицѣ и на его сѣрую солдатскую шинель, на его несчастное кепи съ жалкимъ султаномъ никто и не взглянетъ. Много было предметовъ болѣе интересныхъ. Подождите же, петербуржцы, узнаете вы насъ!.. Но столичная толпа оставалась, попрежнему, далека намъ и не подозрѣвала о чувствахъ, kloкотавшихъ въ груди «молоденькихъ солдатиковъ»...

Товарищи мои были люди мало состоятельные; за малымъ исключеніемъ—бѣдность, получавшая изъ дому отъ своихъ отцовъ-офицеровъ незначительныя суммы; но тѣмъ не менѣе денежные повѣстки ожидались съ большимъ нетерпѣніемъ. вмѣстѣ съ синенькими и красненькими «бумажками» юнкеръ получалъ и письма, большей частью наставительнаго характера, на тему о необходимости экономіи, такъ какъ «жалованье у

отца небольшое и другія дѣти подростаютъ». Большинство съ грустно-сосредоточенными лицами углублялись въ чтеніе вѣсточекъ изъ далекаго дома; но объ экономіи скоро забывали и быстро проѣдали «бумажки». Все это мотовство не превосходило десятковъ рублей... Общее экономическое состояніе родителей юнкеровъ было почти одинаковое, не особенно завидное. Тѣ кадеты, которые были посостоятельнѣе, поступали въ кавалерійское училище, а у насъ оставались такіе, для которыхъ обѣдъ у «Старого Палкина» считался роскошью.

Богатство, просто даже комфортъ были такъ отъ насъ далеки, что мы объ этомъ даже и не мечтали. Столичная роскошь казалась намъ созданною для другой породы совсѣмъ чуждыхъ намъ людей, а не для бывшихъ кадетъ и юнкеровъ, которымъ суждено весь вѣкъ жить на скромное жалованье. Помню твердо—богатству мы не завидовали, у насъ были другія, не матеріальныя, но радостныя приманки въ жизни.

Платье, бѣлье и сапоги были у всѣхъ казенныя. Единственную роскошь позволяли себѣ юнкера—это бѣлыя перчатки. Ни о лихачахъ, ни о кабинетахъ въ ресторанахъ, ни о креслахъ въ театрахъ нечего было помышлять. Теперь постоянно въ театральномъ партерѣ встрѣчаешь юнкеровъ: люди, видимо, богаче стали; а въ прежнее время мы, главнымъ образомъ, направлялись въ

оперный рай и, максимумъ роскоши, въ ложу 3 яруса, которая стоила тогда, кажется, 5 рублей. Драматическій театръ менѣе привлекалъ насъ, зато «на верхахъ» Маріинскаго мы были свои люди. Одинъ изъ юнкеровъ имѣлъ знакомство въ кассѣ и билеты намъ были всегда обезпечены. Какъ же горячо мы и восторгались Лавровской, Левицкой, Петровымъ, Мельниковымъ, Васильевымъ 1-мъ, Платоновой, Комиссаржевскимъ и Саріоти!.. Какъ большіе любители музыки, мы особое почтеніе питали къ Направнику, единственному изъ той стаи славной оставшемуся и до сихъ поръ на своемъ посту.

Изъ экономіи мы обыкновенно не отдавали капельдинеру наши шинели, а клали на сидѣнье; буфетные конфеты и фрукты также были намъ не по карману, сладости же мы очень любили, и потому приносили съ собою фунтики съ миндальнымъ пирожнымъ, яблоками или апельсинами. И какими мы себя расточителями считали, какъ велики намъ казались наши театральные расходы!.. По окончаніи спектакля, юнкера, надрывая себѣ глотки, съ усердіемъ удивительнымъ, трогательнымъ, вызывали своихъ любимцевъ и, спускаясь съ райскихъ вершинъ, постепенно перебѣгали въ нижніе яруса и оттуда сыпали аплодисментами, пока не потухала люстра. Гимнастическимъ шагомъ, въ припрыжку, возвращались мы въ училище, припоминая по дорогѣ по-

направившіеся мотивы и перекидываясь компетентными замѣчаніями о до діэзъ Никольскаго или ге Васильева 1-го. Гол—въ, ротный писарь, увѣрялъ, что онъ самъ также грудью беретъ до, только нужно распѣться. Завтра въ курилкѣ онъ намъ покажетъ, какъ нужно брать и «ми-и-ромъ благимъ» въ «Жизни за Царя»...

Чѣмъ ближе театралы подвигались къ училищному подъѣзду, тѣмъ болѣе встрѣчалось юнкеровъ, спѣшащихъ къ той же цѣли, къ столу дежурнаго офицера. «Подарить» начальству не хочется ни минуты изъ отпускного срока, но зато и опоздать немислимо. И вотъ съ приближеніемъ часовой стрѣлки къ 12, приѣмная быстро наполнялась юнкерами, спѣшно оправлявшими кепи и портупей, а затѣмъ вся группа гуськомъ, точно къ кассѣ, придвигалась къ дежурному офицеру и по одиночкѣ, на вытяжку, рапортовала о выпавшей на ихъ долю чести ему явиться.

Случалось изрѣдка, что, среди юнкеровъ съ безукоризненной выправкой, попадалъ кто-нибудь съ чуть колеблющейся походкой и не совсѣмъ твердымъ языкомъ, тогда товарищи быстрѣе подходили къ столу и уже не гуськомъ, а по два, по три, стараясь закрыть подкутившаго юношу.

Въ тѣ далекіе годы меня больше тянуло къ сладкому и нашъ небольшой кружокъ, когда былъ при деньгахъ, во время отпуска спѣшилъ къ «Saint-Michel», такъ называлась маленькая

кондитерская. Здѣсь, въ задней комнаткѣ, за чашками шоколада или кофе съ пирожнымъ мы съ удовольствіемъ читали газеты и перелистывали иллюстраціи. Старикъ нѣмецъ-кондитеръ и вся его семья всегда съ особымъ радушіемъ принимали насъ и привѣтливо, конечно за плату, угощали своими произведеніями.

Теперь эта старинная кондитерская, пережившая столѣтіе, обратилась въ ресторанъ и совершенно измѣнила прежній патріархальный характеръ.

Товарищъ мой по отдѣленію П—скій приглашалъ раза два, три въ маленькій ресторанчикъ на Вознесенскомъ проспектѣ, теперь уже несуществующій. Здѣсь былъ удивительно гостепріимный хозяинъ, за прилавкомъ стояла хорошенькая буфетчица, и на столѣ уже появлялась водка и коньякъ... Новички въ выпивкѣ, ободряемые красноносымъ хозяиномъ, не желая отстать отъ товарищей и видя въ этомъ особое молодечество, черезъ силу вливали въ себя рюмки. Нѣкоторые, правда немногіе, постепенно не только пріучились къ этимъ изліяніямъ, но и пристрастились къ нимъ. Во главѣ нашихъ кутилъ стоялъ П — скій, нынѣ покойникъ. Правда, онъ еще до училища испробовалъ всякаго рода соблазновъ и поступилъ къ намъ уже обстрѣлянный. Воспитывался онъ въ какомъ-то московскомъ иностранномъ пансіонѣ, былъ вольноопре-

дѣляющимся и наконецъ попалъ въ закрытыя стѣны военнаго училища. Средняго роста, плечистый, плотный, съ открытымъ лицомъ, онъ не зналъ физическихъ препятствій, не зналъ страха передъ физической силой и этотъ-же самый атлетъ дрожалъ, какъ овечка, передъ учителемъ, начальствомъ и подпадалъ подъ любое вліяніе.

Большой весельчакъ, балагуръ, онъ свободно цитировалъ цѣлыя страницы поэтическихъ произведеній и самъ удачно рифмовалъ событія юнкерской жизни. Товарищи его любили и прощали ему незлобивыя шуточки, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ. Два раза, впрочемъ, у него вышли крупныя непріятности. Сначала съ нашимъ «анакоретомъ», чуждавшимся всѣхъ юнкеровъ. П—скій подсмотрѣлъ, какъ не вполне нормальный юноша подкладывалъ въ сапоги бумагу, чтобы казаться выше ростомъ, и конечно разблаговѣстилъ о своемъ удивительномъ открытіи. Анакоретъ никогда ему не простилъ этого. Другое столкновеніе было съ большимъ любителемъ салонныхъ романсовъ, «баритономъ», страшно обидѣвшимся на П—скаго за мимолетное уподобленіе, во время «практическихъ занятій» по военной администраціи, его сплюснутой головы со Сводомъ Военныхъ Постановленій. Баритонъ, воображавшій себя красавцемъ, вскипѣлъ южнымъ гнѣвомъ и пустилъ книгой въ П—скаго, который, нисколько не сердясь, схва-

тилъ живой «Сводъ В. Пост.» за руки и выдержалъ до полного его успокоенія. Это былъ единственный случай, когда мнѣ довелось видѣть среди юнкеровъ нѣчто въ родѣ драки. Учился П—скій очень посредственно, но всей душой пристрастился къ строевой, показной службѣ. Какъ въ немъ уживалось поэтическое творчество съ отчеканиваніемъ передъ зеркаломъ ружейныхъ пріемовъ и усиленнымъ, отошедшимъ уже и тогда въ архивъ, вытягиваніемъ носка въ строѣ—было непонятно. Чуднѣй былъ человѣкъ!.. Въ концѣ концовъ, уже по выходѣ въ офицеры, надъ безвольнымъ П—скимъ взяла верхъ страсть къ вину и онъ бѣдняга окончательно погибъ. Миръ его праху!..

II.

Нашъ ротный командиръ, всѣми уважаемый полковникъ Р—въ, любилъ сердечно строевую службу и зналъ ее превосходно.—«Коль скоро, мало-мальски — говаривалъ онъ,— поступили въ училище, такъ извольте заниматься дѣломъ». И дѣйствительно, онъ по части выправки, маршировки, уставовъ, сборки и разборки винтовки и стрѣльбы былъ очень требователенъ. По часамъ занимались мы «одиночнымъ ученъемъ» подъ руководствомъ учителей — юнкеровъ старшаго курса. Самъ Р—въ особенно наблюдалъ за подготовкой ординарцевъ, которые на разводахъ съ церемоніею въ Михайловскомъ манежѣ должны были подходить къ Государю. Подолгу стоялъ онъ передъ выбранной парой, заставляя ихъ поочередно подходить къ себѣ и «являться». Иногда онъ самъ бралъ ружье и артистически, не дрогнувъ плечомъ, маршировалъ и художественно дѣлалъ пріемы.

Заботы Р—ва о нашемъ «строевомъ образованіи» сильно возросли при слухахъ о томъ, что состоится осенній парадъ. Приходилось спѣшно обучить церемоніальному маршу роту, половина состава которой была всего лишь недѣль шесть въ строю. Однако, молодежь быстро приноровилась и вскорѣ, въ батальонной колоннѣ, браво выступала передъ начальникомъ училища.

Насталъ и царскій смотръ, первый смотръ для меня и моихъ сверстниковъ! Очень хотѣлось скорѣе попасть на Марсово поле и въ то же время брала какая-то робость. Утромъ намъ дали, такъ называемыя «батарейныя», большого калибра булки, начиненныя котлетами. Такой усиленный утренній завтракъ полагался лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Въ 10 час. утра батальонная колонна стояла передъ квартирой начальника училища и держала ружья «на-краулъ.» Музыканты — «левиты» по юнкерскому прозвищу — грянули встрѣчный маршъ и изъ подъѣзда показался съ озабоченнымъ видомъ адъютантъ, а за нимъ красивый юнкеръ вынесъ училищное знамя, на которомъ уже не осталось признаковъ матеріи и лишь развѣвались выцвѣтшія ленты съ надписью, свидѣтельствовавшей объ исключительной древности заведенія.

Видъ старой корпусной хоругви, пробуждавшей благородныя чувства многихъ и многихъ выпусковъ бывшихъ кадетъ, а потомъ боевыхъ на-

чальниковъ и даже фельдмаршаловъ, подѣйствовалъ на насъ возбуждающимъ образомъ. Подъ этимъ знаменемъ юношей ходилъ самъ Царь! Точно электрическій токъ пробѣжалъ по батальону и наша колонна вдругъ выросла, возмужала и изъ забавнаго войска обратилась въ истинную воинскую часть...

Весело идти по городу съ музыкой, невольно стараешься бодриться и подтягиваться. Начальникъ училища, которому, по нашимъ свѣдѣніямъ, рекомендовано врачами воздерживаться отъ верховой ѣзды, встрѣтилъ насъ лишь у Марсова поля. Батальонъ велъ пожилой полковникъ Т—нъ, преисполненный торжественнаго параднаго настроенія, смѣшаннаго съ безпокойствомъ за исходъ церемоніальнаго марша. Онъ часто останавливался, пропускалъ колонну передъ собою и не удерживался отъ замѣчаній: «ногу короче, короче ногу! Голову выше!» И затѣмъ, къ большому удовольствію уличныхъ зѣвакъ, прищипоривалъ старую лошадь, которая отъ неожиданности поднимала хвостъ трубой и выносилась передъ батальономъ. Адъютантъ съ сосредоточеннымъ, недовольнымъ лицомъ, съ болтающимися щеками отъ лошадиной рыси, еле поспѣвалъ за полковникомъ. Несчастному поручику приходилось ѣздить на извѣстной всему училищу, по своей нестерпимой тряскѣ, лошади юнкерской конюшни, «Лиссабонѣ».

Р—въ, какъ полковникъ, не могъ въ строю командовать ротой и мы на время стали подъ начальство капитана К—на, которому служба уже надоѣла и онъ давно потерялъ строевую ретивость.

На Марсовомъ полѣ гвардейскіе полки даютъ намъ дорогу, наши немногочисленные, но престарѣлые «левиты» съ вензелями еще императора Николая I на погонахъ, побѣдно гремятъ маршъ-поппури изъ «Жизни за Царя» и мы занимаемъ мѣсто на правомъ флангѣ всѣхъ войскъ.

Подлѣ насъ стоятъ преображенцы, на правомъ ихъ флангѣ—саженный гигантъ, на котораго съ почтеніемъ поглядываютъ лѣвофланговые юнкера—малыши и сравниваютъ его съ гордостью училища, 12-ти-вершковымъ Л—ко и 14-ти-вершковымъ отдѣленнымъ офицеромъ С—о.

Долго, утомительно долго и совершенно бесполезно выравниваетъ насъ «въ затылокъ» батальонный командиръ. Поднявшись на стремена, онъ вглядывался въ глубину колонны и немилосердно кричалъ, желая достигнуть идеальнаго построения колонны, при взглядѣ на которую съ фронта можно было видѣть только первую шеренгу. Небольшое отклоненіе кого-нибудь въ сторону сейчасъ же портило картину точно «расчесанной» колонны. При первомъ же разрѣшеніи «оправиться», конечно многіе юнкера нѣсколько сдвинулись, «потеряли мѣста» и вновь слышится жа-

лобно-крикливое всхлипываніе полковника: «въ затылѡкъ!» Т—нѣ мало кого зналъ изъ юнкеровъ, но зато эти немногіе такъ прочно засѣли въ его память, что, при частыхъ вспышкахъ особеннаго, извѣстнаго хорошо военнымъ, психическаго состоянія—«строевого гнѣва», моментально вставали они передъ нимъ во весь ростъ и ихъ однихъ, казалось, онъ только и видѣлъ. Фамиліи этихъ несчастныхъ постоянно повторялись и зачастую всеу.—Пар—вскій вправо!—гремѣлъ полковникъ на старательнаго портупей-юнкера.— Тамъ! Третій, шестой, въ затылѡкъ! Пар—вскій вправо!—повторялъ Т—нѣ и доводилъ до истомы неповиннаго, но извѣстнаго ему юношу.

Постепенно къ правому флангу войскъ собираются начальствующія лица и доносятся «здравія желаю —ство», въ отвѣтъ на генеральскія привѣтствія. Вотъ всѣ засуетились, раздались повсюду команды и по линіямъ живописно проскакалъ съ своимъ штабомъ бравый, жизнерадостный главнокомандующій.

Все это насъ, провинціаловъ, не видѣвшихъ еще большихъ парадовъ, сильно занимаетъ, мы интересуемся и тѣмъ и другимъ генераломъ и въ то же время отъ холода не попадаетъ у насъ зубъ на зубъ, а въ воздухѣ начинаютъ носиться снѣжинки.

Крѣпостная пушка, напоминая всему Петербургу о полднѣ, гулко прошумѣла на Марсовомъ

полѣ и тотчасъ же отъ Инженернаго замка показалась группа всадниковъ. Какъ по шнурку на люстрахъ пробѣгаетъ огонекъ, такъ и нервное «смирно» пробѣжало по войскамъ и замерло гдѣ-то за Мраморнымъ дворцомъ. Къ намъ приближается Государь. Мы держимъ ружья на-краулъ и вытягиваемъ невольно головы, чтобы лучше рассмотреть дорогія черты человѣка, котораго съ ранняго дѣтства научились беззавѣтно любить.

По всему громадному Царицыну лугу, наполненному войсками и народомъ, пронесся какой-то исполинскій вздохъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ гимномъ и встрѣчнымъ маршемъ загремѣло радостное «ура!» Вотъ уже Государь передъ нами, знамя склонилось, большіе сѣрые глаза внимательно обводятъ юнкеровъ и, несмотря на гулъ и громъ, наше чуткое ухо ясно различаетъ, какъ обожаемый Царь, слегка картавя, произноситъ: «Здравствуйте господа!» и мы изо всей мочи отвѣчаемъ на привѣтствіе. Отовсюду доносятся звуки музыки, верезжанье маленькихъ флейтъ и раскаты барабановъ. Передъ Государемъ уже склонилось знамя 1-го батальона преображенцевъ, а громадная свита все еще продолжаетъ ѣхать мимо насъ. Кой-кто изъ нихъ, въ особенности иностранцы, внимательно поглядываютъ на юношескій батальонъ, а большинство, не поворачивая даже головы въ нашу сторону, равнодушно

двигается впередъ... Крупнымъ галопомъ проносятся запоздавшіе свитскіе... Государь уже повернулъ во вторую линію войскъ, затихнувшее на время «ура» вновь крѣпнетъ и волна его подвигается къ намъ все ближе и ближе, пока и нашъ батальонъ не присоединяется къ общему стихійному клику.

Объѣздъ оконченъ. Все стихло. Мы видимъ, какъ отъ Царевой свиты отдѣляется главнокомандующій и красиво на буланомъ конѣ съ пушистымъ хвостомъ подскакиваетъ къ серединѣ фронта. Звонкая отчетливая команда главнокомандующаго: «батальоны кругомъ», доносится до насъ и въ воздухѣ виднѣется его поднятая сабля. И нашъ насторожившійся полковникъ и много еще такихъ же полковниковъ въ эту минуту громкими голосами запѣваютъ: «батальонъ кру!..» На этомъ слогѣ они застываютъ и, точно зашнотизированные, смотрятъ на блестящій конецъ сабли главнаго начальника. Вотъ онъ опустилса и повсюду раздались неравномѣрные окрики: «гомъ!» «гомъ!..»

Насъ отводятъ назадъ, но недалеко, надо спѣшить, такъ какъ мы начинаемъ церемоніальный маршъ. Полковникъ горячится, поворачиваетъ нѣсколько разъ батальонъ; наконецъ, вводитъ его «въ линію желонеровъ», офицеровъ гвардейскаго инвалида, и обиженнымъ, сдавленнымъ голосомъ кричитъ: «на мѣ — стѣ». Пользуясь

прикрытіемъ Конвоя Его Величества юнкера стараются подравняться. Равнодушнѣйшій изъ смертныхъ, ротный командиръ спокоенъ вполне и это внушаетъ къ нему почтеніе молодежи; не обращаясь лично ни къ кому, онъ негромко повторяетъ: «не волноваться и не расхлебываться.» Но мы и не собираемся расхлебываться, по кадетской привычкѣ не отдѣляемся отъ товарищескаго локтя и держимся довольно стройно. Недалеко отъ меня юнкеръ старшаго класса, «изъ штатскихъ», идетъ, какъ-то «между тактомъ».

— Ш—овъ, не танцуйте!—слышится окрикъ гиганта офицера С—о.

Мы невольно оборачиваемся въ его сторону, и, видимо, всѣ въ эту минуту, забывая, что это «С — ще изъ гарнизона», съ удовольствіемъ глядятъ на его атлетическую нарядную фигуру, такъ красиво выдѣляющуюся на нашемъ флангѣ. Всѣ напряженно ловятъ равненіе, а старые «левиты» мнутъ передъ фронтомъ и мѣшаютъ идти полнымъ шагомъ. Въ серединѣ что-то замѣшкались, линія фронта вдругъ сломалась и выскочилъ впередъ лѣвофланговый.

— Не расхлебывайся!—доносится возгласъ ротнаго командира.

Волнообразная линія постепенно выпрямляется. Вотъ уже близка и группа всадниковъ, къ которой мы подвигаемся довольно быстрымъ шагомъ подъ звуки училищнаго хора, успѣвнаго, нако-

нецъ, отойти въ сторону. Полковникъ даетъ шпоры коню, вылетаетъ стремительно впередъ и, описавъ полукругъ, подѣзжаетъ къ свитѣ. Тамъ же среди офицеровъ-зрителей виденъ нашъ «строевикъ» Р—въ, не усидѣвшій дома въ день смотра и пришедшій взглянуть на своихъ питомцевъ. Онъ взоромъ эксперта всматривается въ вытянувшуюся прямую линію передней шеренги и одобрительно киваетъ головою капитану. Юнкера не чувствуютъ ногъ подъ собой, сердце сильно, учащенно бьется и кажется, что весь міръ теперь смотритъ на насъ, на полкъ военно-учебныхъ заведеній. Еще нѣсколько секундъ и мы, нервно вздрагивая, боясь даже слегка повернуть голову въ сторону, слышимъ одобрительный возгласъ: «Славно, господа» и отвѣчаемъ радостнымъ перекатымъ кликомъ: «ррадово... ство».

Сзади насъ загремѣлъ громадный оркестръ 1-й дивизіи, но мы уже свое дѣло сдѣлали и, израсходовавъ нервное возбужденіе, тихо плелись въ свое училище, гдѣ насъ ждалъ ранній обѣдъ...

Зимою, во время пребыванія Государя въ Петербургѣ, каждое воскресенье назначался разводъ съ церемоніею въ манежѣ и отъ училища посылали всегда взводъ юнкеровъ. Наши строевики любили воздухъ Михайловскаго манежа и эмоціи, вызываемыя парадированіемъ. Начальство мало беспокоилось о церемоніальномъ маршѣ, такъ какъ

юнкера посылались выборные и въ небольшомъ числѣ. Главное вниманіе было обращено на ординарца, на обмундированіе и пригонку аммуниціи. Малѣйшее отклоненіе отъ формы замѣчалъ зоркій глазъ Государя. Двубортный мундиръ армейскаго унтеръ-офицера нельзя сказать, чтобы особенно красилъ юношескія фигуры, хотя съ нимъ еще можно было мириться; но что особенно было уродливо—это кепи австрійскаго образца, совершенно несоотвѣтствовавшее славянскимъ лицамъ.

Утромъ, въ день развода, юнкера особенно тщательно возились у рукомойниковъ и подвергались пыткамъ бритья у казеннаго цирюльника, котораго звали «Мухой». По его признаніямъ, онъ лънулъ къ женскому полу, какъ муха къ меду. Несмотря на свой немолодой уже возрастъ, плоское лицо, съ пуговкой вмѣсто носа, и значительную лысину, прикрытую «височнымъ займомъ», Муха игралъ роль *jeune premier* училищныхъ подваловъ, густо населенныхъ семьями служителей.

Слишкомъ упрощенные приборы и мыльница съ холоднымъ мыломъ нисколько не вызывали желанія бриться; но начальникъ училища былъ врагъ бакенбардъ и слѣдилъ за отсутствіемъ растительности на лицахъ юнкеровъ, отправлявшихся на разводъ. Съ однимъ изъ моихъ товарищей, Д—дзе, произошелъ случай, напомнившій повѣсть «Бакенбарды». Нашъ генераль замѣтилъ красивую внѣшность грузина и пожелалъ, чтобы онъ подходилъ къ Государю ординарцемъ, но предва-

рительно приказалъ ему сбрить чудныя шелковистыя бакенбарды. Когда Д—дзе, выслушавъ отъ Мухи разсказъ про ядовитость толстой полковничьей кухарки, всталъ съ табуретки и посмотрѣлъ на свое бритое лицо, то пришелъ въ ужасъ и не зналъ что ему дѣлать: застрѣлиться или прибить невиннаго цирюльника? Лишившись главнаго, какъ внезапно оказалось, своего украшенія, грузинъ былъ похожъ чортъ знаетъ на кого, но не на красавца Д—дзе. Онъ ушелъ въ лазаретъ, гдѣ и запустилъ себѣ вновь бакенбарды, кандидатура же въ ординарцы потеряна была навсегда.

«Батарейныя» булки фигурировали также въ разводные дни, и послѣ ранняго завтрака мы отправлялись не прямо въ манежъ, а сначала рядомъ съ нимъ, въ казарму Гальванической роты, а оттуда уже во всемъ новенькомъ, безъ шинелей, несмотря на морозы, въ однихъ мундирахъ скорымъ шагомъ переходили въ парадный военный залъ съ землянымъ поломъ.

Фельдфебель роты Его Величества и ординарецъ, какъ лица, которымъ предстояло представляться Государю, прѣзжали въ казенной каретѣ начальника училища.

Послѣ большого осенняго смотра маленькіе манежные парады не производили уже такого сильнаго впечатлѣнія и привлекало насъ сюда главнымъ образомъ присутствіе Императора.

III.

Въ 1872 году мы выступили въ лагерь поздно, такъ какъ 30-го мая юнкера участвовали на большомъ парадѣ въ память двухсотлѣтія со времени рожденія Петра Великаго. Парадъ былъ на Петровской площади, не засаженной еще деревьями, только часть Исаакіевскаго собора уже и тогда была одѣта «въ лѣса».

На торжество это я не попалъ, лежалъ въ лазаретѣ.

Первая для меня петербургская осень, съ ея туманами и дождями, какъ-то не оставила особенно дурного впечатлѣнія. Новая обстановка, театры и занятія всецѣло завладѣли мною и я не тосковалъ по югу. Первая зима, которую мнѣ довелось провести на сѣверѣ, была не особенно суровая; послѣ легонькаго кадетскаго пальто въ юнкерской сѣрой шинели было тепло. Однако, продолжительность зимы, а потомъ безрадостная, холодная, календарная весна безъ зелени заставили вспом-

нить о благодатномъ югѣ. Съ тѣхъ поръ эта климатическая неудовлетворенность закралась въ меня и навсегда поселилось недружелюбное чувство къ петербургскому молочно-сѣрому небу, къ невскому туману и къ назойливымъ дождямъ. Въ особенности злили меня скучнѣйшіе дожди, которые не приносили съ собой бодрости для природы, а беспощадно и безрезультатно выливались на голые прутья, на черныя, не оживавшія липы и лили неустанно по цѣлымъ днямъ. Я не выдержалъ напора кислой весны и захворалъ.

По сравненію съ военной гимназіею въ лазаретъ за помощью обращалось значительно менѣе народу. Игралъ тутъ, конечно, роль болѣе возможный возрастъ, а затѣмъ и отсутствіе болѣзни *febris catarrhalis* — «отчасти притворялись». Какъ и въ кадетскомъ лазаретѣ, такъ и здѣсь любимыя микстуры старика доктора были не разнообразны, не только фельдшера, но и больные знали ихъ наизусть. Прогрессъ выразился тѣмъ, что давали лекарство не съ ложки, а въ особыхъ стаканчикахъ.

Благодаря Бога, я скоро выправился и «выписался» изъ лазарета. Сосѣдъ мой по кровати не былъ такъ счастливъ. Рослый, краснощекій, съ вьющимися кудрями, жизнерадостный грузинъ, воспитанникъ Воронежской военной гимназіи, Н—дзе, не могъ осилить подкрававшася къ нему незамѣтно, предательски, сѣвернаго врага. Бѣд-

няга зачахъ отъ холоднаго, промозглаго воздуха и заснулъ на вѣкъ... Молодая жизнь, испугавшись страшнаго для нея климата, быстро, почти безъ борьбы, оставила прекрасное тѣло навсегда. Въ жару горячки вѣрно чудился ему родимый домъ, пріютившійся у нагрѣтой полуденнымъ солнцемъ скалы, съ очаровательнымъ видомъ на цѣпь уходящихъ въ синюю даль горъ, слышался ему голосъ матери, виднѣлись товарищи, собравшіеся у журчащаго ручья подъ тѣною развѣсистаго орѣховаго дерева... Да, тамъ ждали его, опору и красу семьи... Съ улыбкой на губахъ застылъ Н—дзе и мы съ музыкой, торжественно проводили его на Смоленское кладбище. За два года пребыванія въ училищѣ, это былъ единственный разъ, что я прошелъ по нумернымъ линіямъ Васильевского острова и его проспектамъ; до этихъ похоронъ и послѣ я зналъ лишь Кадетскую линію и Набережную.

Послѣ петровскаго торжества мы переселились въ лагерь.

Училищный лагерь въ Красномъ Селѣ отвернулся спиной отъ красиваго озера и отъ смотрящаго въ него Дудергофа и сталъ лицомъ къ безотрадному военному полю, на которомъ съ утра до вечера двигались воинскіе четырехугольники, виднѣлись дымки и доносились пушечные и ружейные выстрѣлы, смѣшанные съ барабаннымъ боемъ и неутомимымъ рыданіемъ горнистовъ.

Юнкера помѣщались въ большихъ палаткахъ, по двѣ на каждую роту. Въ сильный дождь шатры пропускали воду, а главнымъ образомъ нисколько не защищали отъ холода, иногда, какъ извѣстно, довольно ощутительнаго подѣ Петербургомъ и въ началѣ іюня.

Что было всего непріятнѣе,—это подниматься въ четыре часа утра на стрѣльбу. Сонливые, въ скверномъ расположеніи духа тянулись мы на далекое стрѣльбище и тамъ часами простаивали въ ожиданіи очереди выпустить свои четыре пули. Возвратившись въ лагерь, юнкера жадно глотали чай и засыпали до обѣда крѣпкимъ сномъ чернорабочихъ.

На скатѣ горы, за палатками, ближе къ озеру, подѣ деревяннымъ навѣсомъ, устроена была столовая. Было все крайне незатѣйливо: подавали деревянные миски и такія же тарелки. Несмотря на усиленные порціи, вѣроятно въ виду невозможной сервировки, у меня осталось не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе о лагерныхъ юнкерскихъ обѣдахъ и ужинахъ. Подспорьемъ являлся буфетъ безъ крѣпкихъ напитковъ, Харлампія, помѣщавшійся на перепутьи между палатками и столовой.

Въ этомъ учрежденіи и у мороженщиковъ лѣтомъ оставлялись всѣ родительскія денежныя присылки.

Небольшой, толстенкій, съ черной бородкой

Харлампій не успѣвалъ дѣлать разнообразнѣйшіе бутеророды большого «заграничнаго калибра». Рыжій ~~новаръ~~, съ синей сливой вмѣсто носа, все время цыгаль изъ маленькаго чуланчика—кухоньки—въ ледникъ и самъ-же подавалъ: яичницу, бифштексъ или телячьи котлеты. Большинство юнкеровъ распивало здѣсь чай, благодушествуя на «вольномъ воздухѣ». Случалось, что въ чайникахъ вмѣсто кипятку хранилась другая влага.

Большой соблазнъ для зеленаго юношества представляли разносчики, специально лагерные мороженщики и фруктовщики. Послѣ обѣда они неотступно вертѣлись подлѣ юнкеровъ, входили въ палатки и умѣли отлично расторговываться, не стѣсняя юнкеровъ немедленной уплатой. Нормальная лагерная порція мороженаго была солидная квасная кружка! И ничего, съѣдали и не болѣли.

Послѣ вечерней зари, когда по всей длинной линіи авангарднаго и главнаго лагерей замолкали солдатскіе голоса, безыскусственно, но съ трогательной вѣрой пѣвшіе молитву Господню, наступало время отдыха. Юнкера еще не скоро ложились спать: устраивался хоръ, шли бесѣды, толковали съ солдатами, сосѣдями-стрѣлками, пока, наконецъ, усталость не брала свое и не загоняла въ шатеръ на горбатый набитый сѣномъ тюфякъ, ежившійся на деревянной кровати, разго-

роженной посрединѣ высокою перегородкой на два узкихъ ложа!

Бодрствовать оставался караулъ при знамени и дежурные на линейкѣ.

Мнѣ пришлось стоять въ караулѣ, подѣ начальствомъ вѣчнаго «вице-портупея», совершенно «штатскаго», благодушнаго армянина Д—ва. Глаза его глядѣли грустно-грустно и говорилъ онъ жалобнымъ, хотя громкимъ голосомъ, точно служилъ панихиду. Несмотря на свой горестный видъ, онъ былъ большой комикъ, всегда смѣшилъ своихъ сосѣдей и пользовался большою популярностью въ училищѣ. Д—въ обыкновенно ухитрялся послѣ ученія баловать свои ноги туфлями, въ которыхъ расхаживалъ по училищу, несмотря на строгія правила о соблюденіи формы.

Цѣлую ночь у насъ въ караульной палаткѣ не сходилъ чай со стола. Подъ утро приходилъ провѣрять дежурный офицеръ и остался доволенъ порядкомъ. Наконецъ, встали юнкера и выступили на ученье. Тогда Д—въ, почувствовавъ себя въ безопасности, снялъ походные сапоги, надѣлъ туфли и растянулся понѣжиться. Въ это время, стоя часовымъ у «фронта», я замѣтилъ, внезапно появившуюся на дорогѣ изъ оврага, группу всадниковъ, впереди которыхъ виднѣлась красивая и мощная фигура Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. Не своимъ голосомъ я крикнулъ караулу: «вонъ!». Юнкера что-то за-

мѣшались, выбѣжали не всѣ сразу, въ разнообразной одеждѣ: одни въ шинеляхъ, другіе въ мундирахъ, и растерянные стояли въ ожиданіи неоявлявшагося начальника караула. По всему авангардному лагерю перекатомъ понеслись громкіе выклики дневальныхъ: «всѣхъ на линію!» — и всѣ, кто не вышелъ на ученье, высыпали на «переднюю линейку».

Главнокомандующій остановился передъ нашимъ карауломъ и, не произнося ни слова, ждалъ окончанія смятенія. И онъ дождался! Вылетѣлъ Д—въ въ мундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, и съ туфлей на одной ногѣ, вмѣсто сапога. Отъ неожиданности онъ совсѣмъ остолебѣлъ и забылъ командныя слова. Въ это время на линейку прибѣжалъ запыхавшійся дежурный офицеръ Ф—въ и, увидѣвъ безнадежное положеніе караула, самъ до того перетрусилъ, что, уставившись въ Великаго Князя, заикнулся и не могъ ему отрапортовать.

— Хороши! Всѣ хороши!..

Съ этими словами главнокомандующій уѣхалъ, а мы, страшно переконфуженные и трепещущіе, стояли передъ начальникомъ своднаго училищнаго лагеря, генераломъ Гаг—омъ.

Черезъ часъ нашъ ротный командиръ и поручикъ Ф—въ отправились въ Красное Село на гауптвахту, Д—въ засѣлъ въ училищный карцеръ, а нѣсколько другихъ участниковъ «срама»

и «разврата», какъ выразилось возмущенное начальство, получили «липки».

Красносельскіе лагері 1872 г. были исключительно короткіе и мы не успѣли оглянуться, какъ назначенъ былъ Высочайшій смотръ училищному батальону. Въ одинъ день съ нами выходилъ на экзаменъ, теперь уже упраздненный, учебный батальонъ, который, по старому, всѣ еще тогда называли Образцовымъ полкомъ. Со всѣхъ концовъ Россіи присылали сюда изъ очередныхъ частей офицеровъ и нижнихъ чиновъ для ознакомленія съ нововведеніями въ уставахъ и введенія единообразія въ войскахъ по обмундированію, снаряженію, укладкѣ вещей и т. п. специальнымъ мелочамъ. Надъ батальономъ царилъ прежній, уже отжившій, плацъ-парадный духъ и, повидимому, все собственно «полевое» образованіе сводилось къ изученію буквы устава, къ отчетливой «ломкѣ строя» и идеальному равенію при церемониальномъ маршѣ.

Ежедневно передъ нашими глазами двигался громадный, укомплектованный по военному составу, батальонъ и, не уходя далеко для маневрированія, что уже практиковалось во всѣхъ другихъ частяхъ, принимался за ученіе николаевскихъ временъ. По цѣлымъ часамъ производились ружейные пріемы, свертывались и развертывались колонны, а потомъ долго-долго гудѣлъ оркестръ съ сильнымъ барабаннымъ подбоемъ и

тихимъ, плавнымъ шагомъ двигались учебныя роты развернутымъ строемъ.

Со стороны было красиво смотрѣть на эти точныя, размѣренныя движенія, на плавный шагъ, на идеальное равненіе; но путемъ какихъ чрезмерныхъ усилій получалось это—мы убѣждались собственными глазами и въ насъ закрадывалось недружелюбное чувство къ трынчикамъ и строевикамъ старой пиколы. Намъ казалось, что они стремились все затруднять, вносить мертвенность въ уставы и самое обмундированіе во что бы то ни стало обратить въ неудобную, не элегантную и безвкусную форму.

Смотръ нашего своднаго отъ двухъ училищъ батальона состоялся на второй верстѣ Гатчинскаго шоссе. Начальства и свиты собралось больше, чѣмъ юнкеровъ въ строю. Батальонный командиръ не нашего училища, полковникъ Д — нъ, лишь только наскоро выравнивалъ длинную линію развернутаго строя, какъ показалась царская коляска и громкое «смирно!» заставило насъ застыть на мѣстѣ. Государь обѣхалъ верхомъ батальонъ, вглядываясь пристально въ каждаго юнкера. Мы помнили правило, что надо на начальника «смотрѣть весело и провожать его глазами», но передъ нами былъ Государь и невольно, при Его взглядѣ, пробѣгали мурашки по тѣлу, а шея какъ-то нервно вздрагивала, точно не выдерживала тяжести голо-

ловы. Государь остался доволенъ бравымъ видомъ юнкеровъ и, объѣхавъ батальонъ, сказалъ: «молодцы!» Это одобреніе ободрило юнкеровъ и развязало скованные волненіемъ члены. Всѣ шестьсотъ человѣкъ обратились въ одинъ послушный механизмъ, который отъ одного нажима, моментальнымъ общимъ движеніемъ сбрасывалъ съ плечъ и подбрасывалъ обратно ружья. Внезапно открывался то одинъ клапанъ, то другой, то сразу всѣ и затѣмъ равномерно закрывались. Подлѣ меня въ строю стоялъ молодцоватый Гол—въ и я чувствовалъ, какъ весь онъ отдался ружейнымъ приѣмамъ, поворотамъ и маршировкѣ, нисколько не уступая ни одному изъ «образцовыхъ» унтеръ-офицеровъ. Гайки на стволѣ его ружья нарочно были не плотно стянуты и при приѣмахъ лязгали въ тактъ, что доставляло ему видимое удовольствіе. Мой лѣвый сосѣдъ, «не военный» Ив—въ 1-й также лѣзъ изъ кожи вонъ и отъ усилія какъ-то болѣзненно гримасничалъ. Поминутно слышались благодарность Государя и наши радостные отвѣты. Въ заключеніе ученія мы, моментально, бѣгомъ, съ удивительной быстротой, перемѣнили фронтъ, живо выравнивались и приготовились къ залпамъ. Лишь только полковникъ Д—нъ протяжно запѣлъ: «бата-лі-онъ!» и не успѣлъ произнести быстрое «пли!», какъ кто-то дернулъ курокъ и раздался выстрѣлъ. Для смотра это хуже, чѣмъ

детонированіе пѣвца, это равносильно полной потерѣ ансамбля, такъ какъ за такимъ выстрѣломъ обыкновенно сыплется горохомъ пальба несдержавшихся сосѣдей, потомъ слѣдуетъ спѣшная команда и получается некрасивая каша. При звукѣ злополучнаго выстрѣла у многихъ пронеслась мысль: пропалъ смотръ; но, къ счастью, никто не соблазнился дурнымъ примѣромъ и ружья батальона продолжали гладкимъ, блестящимъ металлическимъ зонтикомъ спокойно висѣть по фронту. Такая выдержка въ пору очень опытнымъ солдатамъ, и Государь тотчасъ же похвалилъ насъ. Затѣмъ послѣдовалъ моментальный залпъ и быстро заряженные ружья вновь были «на-изготовкѣ», снова залпъ и, наконецъ, третій заключительный залпъ. Все вышло хорошо. Начальникъ училища и командиръ батальона съ расплывшимися отъ удовольствія лицами выслушивали благодарность за хорошую подготовку.

Послѣ церемоніальнаго марша Государь приказалъ вызвать пѣсельниковъ и, подъ звуки громогласнаго Воротниковскаго «Грянемъ, братцы, пѣсню!» Онъ ѣхалъ подлѣ батальона до тѣхъ поръ, пока нашъ громадный юнкерскій хоръ, аккомпанируемый оркестромъ, съ воодушевленіемъ не закончилъ пѣсню словами: «на воротахъ Царяграда водрузимъ Олеговъ щитъ!»

И вскорѣ, черезъ пять лѣтъ, большинству этой молодежи пришлось дѣйствительно двинуться къ

воротамъ Царьграда. Не мало изъ нихъ снятъ уже вѣчнымъ сномъ на поляхъ Болгаріи, и всѣ участвовавшіе въ бояхъ показали себя истинными героями, оправдавъ и царскую отеческую ласку, и царское спасибо...

Маневры въ этотъ годъ продолжались очень недолго и закончились 17-го іюля. Несмотря на краткость маневровъ, я въ жизни никогда такъ не уставалъ, какъ за эти памятные четыре дня. Въ особенности тяжело пришлось на первомъ бивуакѣ, подлѣ Александровской станціи у Царскаго Села.

Съ вечера мы всѣ были въ отличномъ расположеніи духа, аппетитно поужинали и съ веселымъ говоромъ разлеглись подъ открытымъ небомъ на солому, которую намъ роздали по снопу на брата. Ночью пошелъ дождь; сначала мы только ворочались и старались своими шинелями укрыться отъ непогоды, но вода скоро подобралась холодными струйками снизу и заставила постепенно подняться весь батальонъ. Офицерство спало въ палаткахъ на складныхъ койкахъ и нашу долю раздѣлялъ лишь дежурный. Дождь, не переставая, шелъ всю ночь. Промокшіи до костей, иззябшіи, я, да и другіе семнадцатилѣтніе воины, товарищи мои, возроптали и стали порицать военную службу съ ея невзгодами и лишеніями. Ужасно было жалко себя въ эту ночь!.. Кто-то указалъ на возможность укрыться

въ дровяномъ сараѣ желѣзнодорожной станціи. Нѣсколько десятковъ юнкеровъ бросились туда и въ темнотѣ такъ неудачно стали размѣщаться, что сдвинули полѣнницу и дрова загремѣли на насъ, къ счастью не зацѣпивъ никого. Пришлось покинуть этотъ пріютъ и мокнуть до конца.

Утромъ батальонъ юнкеровъ двинулся къ Красному Селу. Солнце въ этотъ день старалось высушить нашу мокрую одежду и сильно припекало. Преслѣдуя отходившаго къ лагерямъ непріятеля, намъ приходилось зачастую идти по вспаханному полю, спотыкаясь на кочки и скользя по мокрой глинѣ, или путаться въ низкорослыхъ ни на что путное не годныхъ «кустахъ». Отъ жары и послѣ безсонной ночи всѣ вскорѣ сильно устали. Питъ хотѣлось нестерпимо, а по дорогѣ кромѣ желтой болотной воды ничего не встрѣчалось. Нѣкоторые юнкера, несмотря на окрики офицеровъ, припадали къ этому ужасному пойлу и черезъ носовой платокъ втягивали въ себя красноватую воду; а другіе, совсѣмъ обезсиленные, присаживались на землю. Постепенно за батальономъ образовался длинный хвостъ отсталыхъ.

Появились хищные, всюду поспѣвавшіе, разносчики съ корзинками на головахъ и въ нѣсколько минутъ распродали по чудовищнымъ цѣнамъ свой товаръ. За сельтерскую воду платили сначала по 50 к., а потомъ и по рублю. Я едва-едва тащился. Помню, увидѣлъ у кустика раз-

носчика съ ослабившимся лицомъ, спросить у него воды, но онъ показалъ пустую корзинку. Тутъ же я свалился въ глубокій обморокъ и пришелъ въ себя уже въ лазаретной фурѣ...

На другой день мы, новички, попривыкли къ трудностямъ похода и вскорѣ втянулись совсѣмъ. Закончились маневры благополучно, безъ больныхъ. 17-го іюля, вмѣстѣ «съ отбоемъ» маневровъ, состоялось и производство въ офицеры юнкеровъ старшаго класса.

Младшій курсъ остался въ лагеряхъ для топографическихъ, «полу-инструментальныхъ», съе-мокъ. Нашъ раздѣлили на нѣсколько партій, по семи человѣкъ въ каждой, и заставили бродить съ приборами вокругъ Дудергофа и Киргофа, провѣшивать линіи, измѣрять цѣпью разстоянія и наносить на планшеть. Въ нашей партіи главнымъ образомъ работалъ хорошій чертежникъ Сн—скій, который съ замѣчательной добросовѣстностью и безкорыстіемъ отдѣлывалъ планъ за всѣхъ.

Такъ какъ наши официальные руководители, отдѣленные офицеры, «полу-инструментальной» съемкой сами не занимались никогда, то, во избѣжаніе недоразумѣній, при обращеніяхъ: «объясните, г-нъ поручикъ», благоразумно воздерживались отъ контроля надъ нашими работами. Предоставленные сами себѣ, мы пользовались пол-

ной свободой и цѣлые дни проводили вдали отъ официальныхъ лицъ, отъ казенной обстановки.

За двѣ недѣли мы отлично изучили красносельскія окрестности, знали всѣ пригорки, овраги и лощины, число дворовъ и жителей въ грязныхъ чухонскихъ и нѣсколько болѣе приглядныхъ русскихъ деревушкахъ. Нѣкоторые, изъ болѣе предприимчивыхъ и пылкихъ юнкеровъ, узнали и кой-что еще кромѣ этого...

Прекращеніе стѣмки и возвращеніе въ Петербургъ насъ, неуѣзжавшихъ въ отпускъ, нисколько не порадовало и мы безъ особеннаго удовольствія выступили на зимнія городскія квартиры.

IV.

Никогда уже впослѣдствіи я не испытывалъ такого удовольствія отъ служебнаго повышенія, какъ при производствѣ въ фельдфебеля. Также не-сказанно, по-дѣтски, былъ я радъ получить прусскую медаль во время пріѣзда въ Петербургъ Вильгельма I. Счастливые, радостные моменты! Далеко я былъ отъ всякаго философствованія, не затемнялъ непосредственныхъ впечатлѣній досаднымъ анализомъ и совершенно былъ счастливъ, любуясь на свои нашивки и на саблю съ серебрянымъ темлякомъ. Мнѣ казалось, что не только въ училищѣ, но и на улицѣ прохожіе не безъ интереса поглядывали на мои погоны...

Однако, новая должность несла съ собою и очень колючіе шипы. Приходилось, оставаясь добрымъ товарищемъ, не ронять своей начальнической роли и не прибѣгать къ карательному вмѣшательству ротнаго командира. Съ самаго ранняго утра надо было во всемъ сдерживаться и не поз-

волить себѣ никакого отступленія отъ правилъ, чтобы не дать повода къ подражанію.

Вечеромъ, послѣ дня, проведеннаго за усиленными физическими упражненіями и учебными занятіями, рота возвращалась изъ столовой лѣнливомъ шагомъ и строилась «покоемъ» для «переключки». Я читалъ длинный литографированный списокъ-свитокъ юнкеровъ и каждый при звукѣ своей фамиліи произносилъ: «я!». Изстари такъ завелось, что, при этомъ, нѣкоторые позволяли себѣ отвѣчать или чрезмѣрно громко, точно въ рупоръ, или съ комическимъ оттѣнкомъ. Опять нужно было балансировать такъ, чтобы не прослыть за придиру, «трынчика» и въ то же время не позволить слишкомъ ужъ рѣзкихъ проявленій веселья.

Сколько приходилось выслушивать объясненій о назначеніи на дежурство и дневальства!..

Я невольно выработалъ себѣ особую манеру говорить передъ фронтомъ, при чемъ мой голосъ казался мнѣ самому чужимъ, какимъ-то сухимъ и жесткимъ.

Бывало, рота выстроится по какому-нибудь случаю и, видишь, небрежно плетется запоздалый пріятель-товарищъ. Нечего дѣлать, скрѣпя сердце, насупишь брови, «надѣнешь на лицо маску», и дѣлаешь при всѣхъ ему замѣчаніе; а если нагрѣхъ онъ буркнетъ недовольное слово въ объясненіе, приходилось возвысить голосъ и рѣзко

оборвать забывшаго дисциплину, а у самого конки скребутся на душѣ. И рота стоитъ смирно, никто не пошевелится и не улыбнется. Для испытанія своего авторитета стараешься выдержать такое приподнятое настроеніе добрую минуту и въ то же время страшно передержать моментъ, а вдругъ кто-нибудь, на грѣхъ, чмыхнетъ или сдѣластъ демонстративное движеніе; тогда вѣдь протестъ внезапно охватываетъ массу и съ ней уже не въ силахъ справиться товарищу-начальнику.

Въ общемъ, громадное большинство относилось очень благодушно къ фельдфебельскимъ требованіямъ, а нѣкоторые изъ товарищей просто поражали старательнѣйшею помощью мнѣ въ интересахъ порядка. Вотъ уже именно неизвѣстные, безкорыстнѣйшіе дѣятели! Вспоминается мнѣ, на примѣръ, лѣвофланговый С—скій, удивительно рачительно относившійся къ служебнымъ требованіямъ. Не только приказаніе офицера, но порученіе портупей-юнкера было для него закономъ и онъ тщательно все исполнялъ, не отдѣляя обязательное отъ необязательнаго. Надо было видѣть его въ строю, какъ онъ старался добросовѣстно, отъ души, «тянуть носокъ» или лѣвымъ плечомъ «поддерживать» равеніе...

Много, много еще другихъ старательныхъ юнкеровъ прошло передъ моими глазами, всѣхъ ихъ переименовать было бы скучно, разбрелись они

теперь по всей Россіи и вѣрой и правдой не въ большихъ чинахъ служатъ Царю и отечеству.

Несмотря на нѣкоторые шипы я съ благодарностью вспоминаю фельдфебельскую должность. Это была превосходная жизненная школа, которую приходилось проходить практически, безъ руководства и посторонняго вмѣшательства.

А время все двигалось впередъ и впередъ и выпускъ, производство въ офицеры приближались. Послѣ девятилѣтняго пребыванія въ казенныхъ корпусныхъ и училищныхъ стѣнахъ надо было, наконецъ, вскорѣ стать на свои ноги.

До этого жизненнаго перелома, о нашихъ нуждахъ думали другіе, всѣ первыя потребности были обеспечены, а дальше какъ будетъ? Къ концу года стала выясняться дѣйствительная разница имущихъ отъ неимущихъ, разница до сихъ поръ остававшаяся незамѣтной, въ особенности въ военной гимназіи, гдѣ, во избѣжаніе зарожденія зависти, усиленно урѣзывали карманные кадетскіе расходы и не позволяли приносить даже лакомства. Теперь уже было другое и задрапированная дѣйствительность начала мало-по-малу открываться передъ нами.

При выпускѣ полагалось на обмундированіе 225 р. Для нѣкоторыхъ это былъ не только весь ресурсъ, но подъ эту сумму уже была взята нѣко-

торая часть у солдата-музыканта, еврея Ш—ча, который, не взирая на кажущуюся свою глупость и большую рискованность, велъ свои банковскія операціи очень удачно. Сколько процентовъ бралъ тромбонистъ, никто не высчитывалъ. Условливались просто: «возьмите десять, а при выпускѣ (т. е. черезъ нѣсколько мѣсяцевъ) отдадите двадцать»... И я не слышалъ, чтобы юнкера жаловались на подобные лихвенные проценты, это казалось обыкновенной вещью. Въ нашей ротѣ былъ молодой, симпатичный солдатъ, каптенармусъ, который убѣжденъ былъ, что не занимается ростовщичествомъ; однако у него можно было всегда на недѣлю, на двѣ раздобыться желтенькой или синенькой, при чемъ ему возвращали «безъ процентовъ», но въ двойномъ размѣрѣ...

Къ концу учебнаго года въ ротѣ стали появляться портные, которые начинали работу заблаговременно: снимали мѣрки, примѣряли платье.

Иногда слышался возгласъ товарища: «г-да офицеры!» Не знаю почему, но я нисколько не ощущалъ сладости приближенія производства и съ тревогой подумывалъ о предстоящей жизни.

Какъ и въ прошломъ году, экзамены прошли, сравнительно, очень спокойно. Громадное большинство кончило по 1-му разряду, а по 2-му—лишь нѣсколько человѣкъ или совершенно неспособныхъ или ничего не дѣлавшихъ. На экзаменахъ, конечно, нервы были нѣсколько припод-

няты, но не было ни обмороковъ, ни столбняковъ. До сихъ поръ мнѣ живо помнится діалогъ одного изъ товарищей въ день послѣдняго экзамена. Б — въ просилъ и дневальнаго юнкера и дежурнаго служителя разбудить себя въ 4 часа утра. Его насилу растолкали.

— Который часъ? — испуганно закартавилъ онъ.

— Уже четверть пятаго. Вставай!

— Поздно. Провалился!

Какъ мѣшокъ вновь упалъ онъ на постель и заснулъ крѣчайшимъ сномъ до общей повѣстки. Но опасенія Б—ва не сбылись. Несмотря на то, что онъ не успѣлъ повторить весь курсъ, репетиціи помогли и онъ выкарабкался на 8 балловъ.

Вторые лагеря начались съ глазомѣрной съемки. Опять мы закружились въ окрестностяхъ Краснаго Села, теперь уже въ одиночку. Встрѣчались работы отдѣланныя съ удивительной любовью; но иные намуслили что-то неподобное...

У Харлампія все больше и больше стали засиживаться товарищи и за чайниками, наполненными не всегда чаемъ, велись бесѣды о разборкѣ вакансій, о присылкѣ «имянныхъ» и о расходахъ на обмундированіе. Большинство, конечно, стремилось «выйти» поближе къ роднымъ. Заранѣ шла самая дѣятельная переписка и хлопоты о соотвѣтствующихъ вакансіяхъ. Въ гвардію записывались больше по настояніямъ родныхъ, чѣмъ

по собственному призванію къ петербургской жизни. У отцовъ, стариковъ армейскихъ офицеровъ, было особое представленіе о гвардіи, какъ объ учрежденіи, дѣлавшемъ обязательную карьеру. «Перебьешься первое время, какъ нибудь, писали они своимъ сыновьямъ, а тамъ Богъ дастъ и устроишься!..» Да, мы уже это по рассказамъ училищныхъ офицеровъ знали, что это значитъ «перебиваться» въ гвардіи и какъ это легко достается. Однако выходили же ранѣе бѣдные юнкера въ гвардію, перебивались и устраивались... Попробуемъ и мы... Нѣкоторымъ юнкерамъ безразлично было «выходить» въ ту или другую бригаду, полкъ или батальонъ. Рѣшающимъ моментомъ въ такихъ случаяхъ служила казачья шапка, шитье мундира или во-время сказанное кѣмъ-нибудь похвальное слово о части. Нашъ бывшій товарищъ, «дядько» Гор—чъ, прислалъ въ роту письмо, въ которомъ подробно описывалъ привольное житье-бытье офицеровъ ихъ батареи, квартировавшей въ одномъ изъ уѣздныхъ малороссійскихъ городовъ. За цѣлый домъ въ пять комнатъ онъ съ товарищемъ платилъ въ мѣсяць пять рублей; столъ обходился имъ тоже удивительно дешево и лишь одного не хватало—не было оперы и кондитерской. Письмо перечитывали всѣ выпускные, нѣкоторые же, намотавъ себѣ на усь о выгодахъ гор—чской стоянки, заранее рассчитывали, какъ дешево имъ будетъ

обходиться жизнь, и смѣло шли къ тромбонисту Ш—чу занимать деньги въ счетъ будущей офицерской экономіи...

Во время «разборки вакансій» всѣхъ охватило сильное оживленіе. Въ наше училище въ 1873 г. прислано было болѣе сорока гвардейскихъ вакансій, что заставило нѣсколькихъ юнкеровъ перемѣнить артиллерійскую вѣру на старую пѣхотную.

Когда опредѣлилось окончательно, кто въ какую воинскую часть выходитъ, то сейчасъ же начала обнаруживаться нѣкоторая рознь среди однокурсниковъ, сбившихся за время двухлѣтняго постоянного совмѣстнаго пребыванія въ довольно твердую, однородную массу. Надо кстати замѣтить, что корпусная и военно-гимназическая спайка, образовавшаяся съ дѣтства и крѣпнувшая въ теченіе семи лѣтъ, была сильнѣе училищной.

Будущіе однополчане и однобригадники, разбитые пока по разнымъ ротамъ и даже училищамъ, начали группироваться, знакомиться ближе и вскорѣ у нихъ явились свои особые интересы, шушуканье и чаепитіе новыми партіями. Въ особенности это было замѣтно среди будущихъ гвардейцевъ, которые послѣ визита офицерамъ своихъ полковъ, набрались нѣкоторой гордости и старались уже попасть въ тактъ будущей ихъ военной семьи.

Лагери быстро подходили къ концу и у петербургскихъ военныхъ портныхъ кипѣла горячая, спѣшная работа по обмундированію нѣсколькихъ сотенъ молодыхъ офицеровъ. Въ училищѣ замѣтно прибавилось количество писемъ съ пятью красными печатями. Присылаемыя суммы были обыкновенно очень скромны, но и это небольшое, несомнѣнно, отнималось отъ куска насущнаго хлѣба семьи и потому письма по большей части не вызывали особыхъ восторговъ и прочитывались съ нервной торопливостью, съ желаніемъ спрятаться отъ непроглядной дѣйствительности.

Привычка съ ранняго дѣтства къ товарищескому сообществу, невозможность въ теченіе девяти лѣтъ пребыванія въ казенныхъ стѣнахъ уединиться, запереться въ свою комнату заставляли и скрытныя по природѣ натуры откровенничать и открывать свое сердце. Однако одинъ изъ отличнѣйшихъ юнкеровъ К—овъ, и при этой обстановкѣ, не дѣлился ни съ кѣмъ вѣстями изъ родного дома. Его считали сухаремъ и «безчувственной амфибіей». На одну изъ вечернихъ перекличекъ, обыкновенно исправный, К—овъ не явился. Когда всѣ юнкера разбрелись по «линейкѣ», я пошелъ отыскивать пропавшаго: онъ оказался въ палаткѣ, на своей постели и къ моему удивленію рыдалъ надъ сверткомъ полученнаго имъ съ почты бѣлья.

— Отъ матери, отъ мамыши это!—всхлипывая

заговорилъ онъ.—Пенсіи всего триста рублей получаетъ... Это все она шила и вязала, а это вышивала сестра моя!—говорилъ онъ, показывая на шелковые цвѣтные узоры на сорочкѣ...—А вотъ... вотъ въ этомъ носкѣ, смотри... тутъ три старыхъ полуимперіала, червончикъ, вотъ два старинныхъ талера, десять рублей бумажками и рубль восемьдесятъ... во-семь-де-сятъ ко-п-ѣекъ м-е-е-л-о-очью...

И при этихъ словахъ онъ залился слезами.

— Вѣдь это изъ послѣдняго, изъ копилки! Это маманѣ отъ бабушки еще досталось!

И долго въ этотъ вечеръ говорилъ онъ мнѣ о своей семьѣ, о матери вдовѣ, о сестрахъ подросткахъ и о своей радости придти теперь имъ на помощь.

На другое утро К—овъ былъ уже опять прежнимъ бравымъ, мало общительнымъ юношей, но при встрѣчѣ со мной добрая улыбка освѣщала и согрѣвала его энергичное, нѣсколько холодное лицо.

— Господа, кто хочетъ видѣть одѣяло, подъ которымъ спалъ начальникъ дивизіи?!—проводглашалъ не то шутливо, не то торжественно П—скій, нынѣ уже покойникъ, разсматривавшій свое офицерское приданое.

Охотники посмотри́ть нашлись.

— Цѣлый годъ мать съ сестрой вязали мнѣ одѣяло, смотрите какое шикарное! Одинъ пухъ! Шикъ! Во время инспекторскаго смотря началь-

никъ дивизіи квартировалъ у моего зятя, командира полка, и прикрывалъ свои старыя косточки моимъ параднымъ одѣяломъ.

Юнкера посмѣялись, но многіе не безъ почтенія отнеслись къ одѣялу и осторожно, не безъ любопытства, потрогали его.

Кромѣ одѣяла П—скій, одинъ изъ наиболѣе достаточныхъ среди насъ, получилъ бобры для шинели и каракуль для пальто съ придачею пяти сотъ рублей для полной столичной экипировки. Намъ казалось, что П—скій, положительно, богатый человѣкъ; онъ, вѣроятно, и самъ такъ думалъ и потому сталъ желаннымъ гостемъ маркизанта, подававшего ему въ чайникѣ шампанское. Разносчики-фруктовщики и мороженщики усиленно ломали передъ нимъ шапки, ловко всучивали ему свой товаръ и усиленно просили не беспокоиться и не платить сейчасъ. Передъ маневрами у П—скаго уже не было ни копѣйки, а за заказанныя вещи почти ничего не было заплачено. Онъ загрустилъ и сталъ говорить о загробной жизни; но вскорѣ мысли его приняли другой оборотъ. Юркій разносчикъ Филиппъ, разузнавъ, что у П—скаго бездѣтная сестра замужемъ за командиромъ полка, предложилъ ему двѣсти рублей подъ вексель на три мѣсяца въ триста рублей. Жившій лишь настоящимъ и вполне беззаботный о будущемъ, П—скій быстро увѣрилъ себя, что онъ въ отпуску достанетъ деньги и потому не только

согласился съ радостью на эту финансовую комбинацію, но даже далъ разносчику три рубля на чай. Тотъ же искустель-разносчикъ усиленно сталъ предлагать въ долгъ сладости безродному Гл—скому, который, прельстившись папай, взялъ вакансію въ восточно-сибирскій линейный батальонъ. Ловкій ярославецъ, съ бѣгающими плутоватыми глазами, почувавъ большіе прогоны, рѣшилъ воспользоваться подъемными деньгами и успѣшно, безъ росписки, авансировалъ Гл—скому небольшія суммы, а передъ маневрами неопытный юноша, для округленія неудобопонятныхъ счетовъ, неожиданно для себя долженъ былъ подписать вексель на восемьсотъ рублей.

Большинство выпускныхъ записались въ артиллерію, ходили на артиллерійскія ученья и пѣхотой стали пренебрегать.—«Пѣхота, не пыли!»—кричали они намъ, оставшимся вѣрными своему роду оружія и не промѣнявшимъ винтовку на пушку. Мы же подтрунивали надъ ихъ неподготовленностью къ артиллерійской спеціальности.

Многочисленные будущіе артиллеристы съ ироніей смотрѣли теперь на тяжеловѣсное ружье системы Крнка и послѣ царскаго смотра видимо стали критически относиться къ «чистотѣ пріемовъ и твердости шага».

Два «беззаботныхъ артиллериста» рѣшили, что теперь уже не надо чистить винтовки послѣ стрѣльбы и ходили въ строю какъ-то нехотя, за

что жестоко раскаялись, такъ какъ для укрѣпленія точныхъ представленій о дисциплинѣ имъ пришлось просидѣть до выступленія на маневры въ иноческой обстановкѣ, въ тѣсномъ, душномъ карцерѣ, куда свѣтъ проникалъ изъ маленькихъ окошечекъ, прорѣзанныхъ у самого карниза.

Батальонный командиръ напомнилъ юнкерамъ, что въ училищной хроникѣ бывали случаи отставленія отъ производства или выпуска по второму разряду изъ-за увлеченія близкими эполетами. Всѣ подтянулись...

Наконецъ, мы выступили на маневры. Погода стояла прекрасная и окрѣпшій за годъ организмъ не чувствовалъ уже прошлогодней усталости. Особенно весело было во время дневки въ большомъ селѣ Ильешахъ. День былъ праздничный и нашъ громаднѣйшій соединенный изъ двухъ училищъ хоръ пѣлъ обѣдню, чѣмъ доставилъ громадное удовольствіе многочисленнымъ богомольцамъ, стекающимся сюда издалека для поклоненія чудотворной иконѣ.

Подъ вечеръ деревенскія красавицы угостили насъ хороводомъ. Разносчики въ этотъ день заработали большія деньги. Весь ихъ запасъ шоколада и залежалыхъ конфетъ былъ раскупленъ на угощенье пѣвицъ-крестьянокъ, пищавшихъ неестественными голосами. Одна изъ нихъ, водившая хороводъ, была дѣйствительно очень красивая и кокетливая дѣвушка. Нѣсколько юнкеровъ

моментально влюбились въ нее, не было возможности ихъ оттащить отъ хоровода даже на переключку, и для водворенія порядка понадобилось вмѣшательство дежурнаго офицера, который на время тоже было раскисть при видѣ писаной красавицы...

На эти маневры первый разъ выдали юнкерамъ tentes-d'abris; хотя они и увеличивали вѣсъ снаряженія, но перспектива ночной защиты отъ непогоды заставляла относиться къ нимъ очень дружелюбно. Теперь, съ приходомъ батальона на бивуакъ, поле живо покрывалось сѣрыми бугорками, въ норки которыхъ, послѣ поздняго обѣда, спѣшили заползти юнкера. На бивуакъ, наружно, оживленіе улегалось быстро и маячили лишь дежурные, да часовой ходилъ у знамени...

Насталъ и день производства. На наше несчастье, маневръ закончился не по заранѣе составленному предположенію, и училища оказались за нѣсколько верстъ отъ Царской ставки. Въ виду этого намъ не удалось выслушать поздравленіе съ производствомъ изъ устъ Государя. Пріѣхалъ на тройкѣ главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній Н. В. Исаковъ и роздалъ намъ приказы о производствѣ. Государь очень скоро уѣхалъ въ Москву, такъ что нашему выпуску не выпало счастье представляться Ему и послѣ производства.

Несмотря на то, что въ послѣдній день манев-

ровъ мы уже сдѣлали переходъ верстъ въ тридцать, юнкера просили начальство не останавливаться на бивуакѣ и сейчасъ же идти въ Красносельскій лагерь. Быстро, съ пѣснями, прошелъ батальонъ еще двѣнадцать верстъ и черезъ часъ послѣ прихода весь старшій классъ уже катилъ по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ, гдѣ насъ ждала офицерская форма и открывалась новая жизнь, казавшаяся большинству такой розовой, цвѣтущей...

Ни одно изъ служебныхъ повышеній не измѣняетъ такъ человѣка по внѣшности и по отношеніямъ къ нему, какъ производство въ офицеры. Точно куколка обращается въ бабочку. Часть назадъ еще, одѣтый въ незатѣйливую форму нижняго чина, онъ былъ на солдатскомъ положеніи, все было ему запрещено, передъ всѣми онъ вытягивался, отъ всѣхъ выслушивалъ замѣчанія и вдругъ, одно мгновеніе, и тотъ же человѣкъ, точно при театральномъ превращеніи, является въ блестящемъ костюмѣ — онъ офицеръ. Двери передъ нимъ открыты и въ самомъ даже дворцѣ; онъ становится носителемъ рыцарскихъ преданій и предпочтительнымъ предметомъ дѣвичьихъ вздоховъ и дамскихъ вожделѣній...

На недѣлю Петербургъ оживился сотнями молоденькихъ, жизнерадостныхъ офицеровъ.

Многіе изъ вновь произведенныхъ офицеровъ

до отъѣзда изъ Петербурга остались еще въ училищныхъ стѣнахъ. Для нихъ было отведено особое помѣщеніе и юнкерская кухня продолжала ихъ кормить.

Болѣе зажиточные, или, вѣрнѣе, менѣе разсчетливые поселились въ гостиницахъ. Въ общемъ замѣтенъ былъ сильный недостатокъ въ деньгахъ, что значительно умѣряло кутежные порывы нѣкоторыхъ товарищей. Взять въ долгъ теперь, уже передъ отъѣздомъ, не представлялось возможнымъ. Наоборотъ, наступила ликвидація лагерныхъ увлеченій. Музыкантъ Ш—тъ и разносчики-акулы, обыкновенно безуспѣшно пытавшіеся проникнуть въ офицерское помѣщеніе, одолѣвали письмами съ просьбами поскорѣе уплатить имъ занятые деньги. Особенно горячился Филиппъ, боясь упустить Гл—скаго, получившаго болѣе тысячи рублей подъемныхъ и прогоновъ.

Гл—скій числился живущимъ въ училищѣ, но никто его не видѣлъ, онъ точно въ воду канулъ. Подозрѣвали, что онъ поѣхалъ провожать въ Москву какую-то цыганку. Филиппъ былъ въ отчаяніи.

Этотъ кровопіецъ, высасывая непомѣрные проценты за рискъ, въ то же время страшно боялся начальства и, во избѣжаніе административной расправы, не смѣлъ заявлять о юнкерскихъ долгахъ казначею при выдачѣ прогоновъ и обмундировочныхъ денегъ.

Нѣкоторые юнкера, возмущенные его приписываніями, рѣшили не платить процентовъ, наказать тѣмъ его, да и себя не обездолжить... Конечно, это было несовсѣмъ корректно, но товарищи не особенно строго смотрѣли на продѣлки съ ростовщиками и потому не безъ сочувствія относились къ желанію проучить паука. Разносчикъ и еще три-четыре финансиста цѣлые дни просиживали на тротуарныхъ тумбахъ передъ подъѣздомъ, въ ожиданіи своихъ уклоняющихся отъ уплаты должниковъ, и если имъ удавалось ихъ встрѣтить, то они приставали съ такой настойчивостью, что домогались обыкновенно письменныхъ обязательствъ. Вотъ почему два-три изъ вновь произведенныхъ съ опаской выходили на улицу и поскорѣе старались покинуть Петербургъ...

К—овъ и еще нѣсколько человѣкъ, какъ только получили прогоны, сейчасъ же улетѣли въ отпускъ домой; да и другіе не задерживались. Первые дни производства и погода помогала радужному настроенію; но вскорѣ пошли дожди, потускнѣли новые погоны, смялись фуражки, потеряли свѣжесть сѣрыя пальто и молодежь укатила изъ столицы. Осенній дождь точно смылъ съ улицъ новопроизведенныхъ, смылъ и веселое, беззаботное ихъ настроеніе.

Девять лѣтъ жизни въ закрытыхъ казенныхъ заведеніяхъ пришли къ концу и въ 18—19 лѣтъ

впереди развертывалось открытое поприще, широкая дорога. Большинство удивительно смѣло, не задумываясь много, ступали по новой стезѣ. Съ наукой многіе считали счеты поконченными навсегда, такъ какъ доступъ въ высшія военно-учебныя заведенія былъ очень затруднителенъ.

— Академія? Нѣтъ, ужъ это толкуйте другимъ, мнѣ и такъ опостылѣли учебники, — говорилъ П—скій и выражалъ мнѣніе многихъ тозарищей, которые еще весною, послѣ экзаменовъ, предали сожженію классныя записки и пепелъ разсѣяли по вѣтру.

Но были и такіе, которые твердо рѣшили не останавливаться на полдорогѣ и непременно закончить свое военное образованіе въ академіи. Къ сожалѣнію, впоследствии, далеко не всѣмъ имъ удалось выполнить эту задачу, а въ числѣ поступившихъ въ академію приходилось встрѣчать такихъ, которые въ училищѣ объ этомъ и не помышляли. Жизнь съ ея случайностями перерабатывала людей и грозная дѣйствительность однихъ пришибала, а другимъ нерѣдко открывала глаза, вразумляла залѣбившихся, беззаботныхъ малыхъ...

Прощаясь съ училищемъ, нельзя было не поблагодарить заведеніе за двухлѣтній гостепріимный кровъ, за науку и за тотъ образцовый режимъ, который въ короткое, сравнительно, время дисциплинировалъ волю, закалилъ наше здоровье,

сдѣлалъ изъ насъ офицеровъ, вполнѣ пригодныхъ поддержать честь мундира и руководить молодыми солдатами, безъ помощи отошедшихъ въ преданіе старыхъ унтеръ-офицеровъ дядекъ.

Вышли изъ училища мы, насъ замѣнилъ младшій курсъ, а на его мѣсто изъ разныхъ концовъ Россіи уже направлялись новые, молодые побѣги, новые юнкера... И такъ, изъ года въ годъ, незамѣтно, пропускаетъ военная школа черезъ свою воспитательно-учебную систему сотни молодыхъ людей и каждый изъ нихъ, на какое бы поприще ни занесла его судьба, вспомнить всегда добромъ то заведеніе, гдѣ онъ, не испытывая умственного переутомленія, почерпнулъ силы для жизненной борьбы и гдѣ убѣжденія его о рыцарскомъ, безкорыстномъ служеніи родинѣ окончательно сложились и окрѣпли.

